

~ Роман Галкин ~

СТОРАН

16+

Роман Галкин

Сторан

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Галкин Р.

Сторан / Р. Галкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Благодаря вселившейся в Олега сущности-паразиту, его собственная сущность не исчезла , а после смерти физического тела получила возможность вселяться в другие тела...

Содержание

Сторан	5
Паразит	5
Дух бесплотный	8
Игра с оболочками	12
Бегство	17
В пустоте	20
Смертельный зародыш	22
Стик	25
Леег	31
Странник	36
Леег. Знакомство с новым миром	39
Крик	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сторан

Паразит

Странник поселился в голове, когда моя жизнь перевалила за сорокалетний рубеж. Я не был ни алкоголиком, ни наркоманом, ни научным деятелем, ни бизнесменом. Это к тому, что предпосылок для сумасшествия не было.

Обычные рядовые строители с ума не сходят. А если не пьют, то и белочка их не посещает. Потому, почувствовав присутствие в собственной голове чужого разума, я отказался признавать казалось бы неоспоримый факт сползание крыши. Чужому сознанию это не понравилось и в течение года оно настойчиво пыталось завладеть телом единолично. Как это происходило? Нет, никаких посторонних потусторонних голосов я не слышал. Просто ощущал чужое присутствие. И это чужое постоянно давило на мою личность, пытаюсь задвинуть ее в самый темный угол подсознания, пыталось управлять телом, идти не туда, куда я хочу, смотреть не туда, делать не то...

Когда, разговаривая с товарищем по телефону, я вдруг начал коверкать слова, словно маленький ребенок, то, положив трубку, понял, что если так будет продолжаться и дальше, то мое сумасшествие станет вполне реальным. Обрадовавшийся таким мыслям чужак усилил натиск, заставляя меня лопотать какую-то белиберду. Выйди я в таком состоянии из дома, однозначно попал бы в дурку. Впрочем, я и дома уже ощущал себя на грани сумасшествия.

Не знаю, что заставило меня надеть наушники и врубить на всю громкость Владимира Семеновича Высоцкого. И под его надсадную поэзию я вдруг ощутил, как чужая сущность отступила, сжалась в комочек и затихла. Прибив ее еще несколькими песнями народного классика, я выключил плеер, прислушался к ощущениям и злорадно ухмыльнулся. Вот она Сила Настоящей Русской Поэзии!

Однако вселившееся в меня нечто не сдалось и время от времени продолжало делать попытки вытеснить мой разум. В итоге пришлось постоянно ходить с плеером наготове. Чуть что, тык наушники в уши и: – «Ох я встречу того духа! Ух, отмечу его в ухо! ...»

Кстати, пробовал давить духа другой музыкой – не подействовала ни попса, ни классика, ни зарубежная эстрада всех стилей и направлений. Даже на Рамштайм дух презрительно усмехнулся. Кроме Владимира Семеновича помог только Кипелов, а вернее некоторые отдельные композиции «Арии». Например, «Штиль» и «Жанна».

Наконец чужой сдался и пошел на переговоры. И вот это уже точно походило на сумасшествие – нечто в моей голове обращалось ко мне, предлагая договориться о взаимовыгодном сосуществовании. Я даже подошел к зеркалу, чтобы убедиться, что мой рот закрыт, и это не я произношу звучащие в голове слова.

– Ты кто? – спросил я у отражения.

– Я странник, – ответил голос в голове.

– Какой еще, в задницу, странник?

– Почему в задницу? – не понял тот.

– Потому что голова занята, – нашелся я и конкретизировал вопрос: – так откуда ты взялся?

Если признать меня условно нормальным человеком и не принимать за бред последующее повествование, озвученное прямо в моем мозгу, то я узнал следующее.

Странник – это некая сущность, вечно скитающаяся в межмировом пространстве. Целью его скитаний был поиск миров, проникновение и паразитирование в них.

Каждый мир являлся вотчиной семи Создателей, породивших его ради собственных прихотей.

Создатели – это некие сущности, периодически порождаемые межмировым пространством. Появлялись они всегда в количестве семи. Родившись, молодые сущности сразу начинали создавать собственный материальный мир, который населяли саморазмножающимися оболочками, наделенными примитивным разумом. Оболочки нужны Создателям для того, чтобы, вселяясь в них, познавать радости материального мира.

– Погоди, – прервал я повествование, – хочешь сказать, что человечество – это всего лишь популяция оболочек для каких-то Создателей? Это я-то оболочка?

– Так и есть, – подтвердил паразит из моего сознания. – Странно, что тебя это удивляет. В этом мире, как и во всех остальных, где мне довелось побывать, существуют верования, напрямую сообщающие о высшем разуме, сотворившем мир. И так же есть персонажи, в которых вселялись Создатели. Именно эти персонажи творят истории миров. Чего тут невероятного?

– Допустим. Но ты-то тут с какого боку?

Как я понял дальше, в меня вселилась какая-то ошибка меж мирового пространства, периодически проникающая в миры Создателей и беспредельничающая в них до тех пор, пока хозяева не замечали паразита и не изгоняли его. И вот этот самый Странник, проникнув в очередной мир, вселился в очередную оболочку и с удивлением обнаружил, что примитивная сущность аборигена категорически не желает уступать родное тело. Дальше больше, когда абориген начал долбить по паразиту шедеврами музыкальной поэзии, Странник попытался добровольно покинуть оболочку, да не тут-то было. По непонятным причинам он оказался заперт в злополучном теле. Решив, что попал в ловушку, пришелец с ужасом ждал проявления Создателей, готовых прервать его вечное существование. Однако никто по его сущности не явился, и он решил-таки снизойти до общения с примитивной сущностью оболочки. То есть, если кто не понял, со мной.

Из дальнейших расспросов я понял, что наш мир довольно стар,

И уставшие развлекаться Создатели основное время проводят в спячке, позволяя оболочкам развиваться самостоятельно. Это была основная причина, по которой Странник выбрал данный мир, ибо здесь вероятность его обнаружения хозяевами была не велика.

О самих Создателях удалось дополнительно выяснить только то, что они опасались рождения некоего Восьмого. Мол, Восьмой рождался в созданном ими мире для того, чтобы поглотить одного из них и занять его место. Понятно, что бессмертные сущности подобной участи не желали.

– Ну, и что мне теперь с тобой делать? – спросил я у паразита, решив, что для моей примитивной сущности на первый раз полученной информации хватит.

Далее последовали переговоры о сосуществовании. Странник пообещал сидеть тихо в уголке моего сознания и довольствоваться ролью стороннего наблюдателя до самой смерти нашей теперь общей оболочки. По его предположению, после моей смерти он обретет свободу. А подождать несколько десятков земных лет тому, кто существует вечно, проще, чем пара пустяков. Единственное, о чем паразит попросил, не глушить его музыкой.

– А зачем мне-то все это надо, а? – обратился к нему я. – Зачем мне в собственной голове чье-то присутствие? Я, между прочим, недавно второй раз развелся, и сейчас нахожусь в поисках новой спутницы жизни. И каково мне будет с ней в постели, зная, что кто-то постоянно за мной наблюдает?

В конце концов, до меня дошло, что до смерти, скорее всего, не избавиться от вселенца, и придется как-то привыкать к его присутствию. Но тут выявились и положительные качества вынужденного симбиоза. Странник заявил, мол, ощущая мое тело на физическом уровне, он не доволен его состоянием и собирается заняться оздоровлением и модификацией оболочки. Услышав о модификации, я потянулся было к наушникам, чтобы вдарить по паразиту Влади-

миром Семеновичем, но вселенец поспешно заверил, что никаких нестандартных отклонений не произойдет. Я всего лишь стану идеально здоровым человеком. Таковым я и стал в течение последующего месяца.

Рассказывать об ощущениях идеально здорового человека не буду, ибо обычному человеку этого не понять, как слепому от рождения не понять, что такое радуга. Отмечу только, что идеальное здоровье отразилось и на умственных способностях. А может, сказался симбиоз с вселенцем. Но как бы то ни было, а дела мои пошли в гору. За год из простого шабашника я превратился в директора не самой маленькой в городе фирмы. А еще через двадцать два года я передал своему сыну одну из крупнейших в регионе корпораций, ибо мне необходимо было срочно умереть.

В шестьдесят четыре года я первый раз умер. У меня просто не было другого выхода. После того, как Странник поработал над нашим теперь общим телом, оно стало выглядеть лет на тридцать и категорически не спешило стареть. Понятно, что я не ужился и с третьей женой, край не нервно относящейся к подобному феномену. Да и окружающие не оставили без внимания мой неизменный тридцатилетний облик, когда мне перевалило сперва за пятьдесят, а потом и за шестьдесят. Как же достали меня местные элитные старушечки и старикашки своими попытками расколоть на предмет, в какой клинике я прохожу курсы омолаживающей терапии, и какой пластический хирург работает над моей внешностью? Ну что я мог им ответить, кроме как посоветовать вести здоровый образ жизни? Как итог, стал врагом для всей престарелой элиты.

В общем, умер я от инфаркта, порадовав массу завистливых недоброжелателей.

Умер и вздохнул свободно. Не скажу, что я по натуре такой уж аскет, но для чувства удовлетворенности мне нужно очень не много. И счета в банках различных стран позволяли обеспечить это немного на много лет вперед. Я везде побывал, все повидал, еще два раза оседал на одном месте, обзаведясь очередной семьей, после чего приходилось очередной раз умирать.

К концу второго столетия своего бренного существования наконец-то тело состарилось. Как пояснил странник, оболочка выработала отпущенный ей ресурс. Я воспринял старость спокойно. Не то чтобы устал жить. Скорее, устал терять дорогих и любимых людей, устал от одиночества, устал от однообразия. Возможно, будь у меня прогрессорский склад ума, и за отпущенные две сотни лет я на совершал бы массу научных открытий, сделал бы пару-тройку оставивших глубокий след в истории политических карьер. Но, я такой, какой я есть. И потому ничего особо интересного, о чем стоило бы рассказать, за эти долгие годы не случилось.

Дух бесплотный

В четвертый раз я умер по-настоящему. Нет. Вру. По-настоящему умерла моя оболочка. Я же, не только к собственному удивлению, но и к удивлению Странника, продолжал себя осознавать как, если можно так выразиться, единицу сознания.

Я будто бы воспарил над умершей оболочкой и ошарашенно взирал на окружающее пространство. Взирал – не совсем правильное определение, ибо невозможно видеть все вокруг сразу на триста шестьдесят градусов.

– Вот я и свободен, – сообщил Странник, и я понял, что продолжаю ощущать его присутствие.

– А я? Я вроде бы тоже...

Не буду рассказывать о продолжительных всплесках эмоций пораженного моим присутствием Странника. Ведь он всегда уверял, что примитивная сущность оболочки должна исчезнуть сразу после смерти материального тела. В конце концов, мой бывший паразит предположил, что во время вынужденного симбиоза мне передалась часть его сущности, и я теперь стал таким же, как он. Придя к такому заключению, Странник успокоился и заявил, что отправляется на поиски новой более подходящей оболочки.

– Эй! А я? – только и успел крикнуть, боясь остаться беспомощно висеть над своим холодным трупом, как меня вдруг сорвало с места, протащило сквозь стены и потащило ввысь. Вот уже город превратился в маленькие кубики, обрамленные двумя линиями рек, в окружении полей и небольших лесных массивов.

– Ты чего ко мне прилип? – оторвал меня от созерцания раскинувшихся просторов Странник.

– Я? Да я вообще ничего не понимаю. Висел себе спокойно посреди комнаты, и вдруг поволокло куда-то... Нет, ты знаешь, а мне даже понравилось парить вот так бесплотным духом. Вот только научиться бы самому передвигаться. И вообще, куда ты собрался без меня. Полторы сотни лет просидел на халяву в моей черепушке. Вот давай теперь, учи быть духом бесплотным.

Странник согласился стать наставником без лишних раздумий. Возможно, ему надоело вечное одиночество, и перспектива занять товарища показалась привлекательной.

Передвигаться в пространстве оказалось несложно. Надо просто выбрать определенный предмет и мысленно от него отталкиваться или наоборот тянуться к нему. В общем-то, так и обычный человек ходит, визуальнo определяя цель движения. Только ему еще нужно выбирать путь, а в моем нынешнем состоянии преград не существовало.

И вот, забыв о времени, я парил в небесах, стремительно перемещался в любую точку планеты, проникал в самые потаенные уголки. Не могу найти слова, чтобы описать испытываемые мною чувства. Как я мог столько лет потратить на заточение в какой-то жалкой оболочке? И что вообще эти странные сущности находят в существовании, ограниченном возможностями физических тел?

Иногда меня находил Странник и пытался что-то говорить. Но я отмахивался от него, ныряя в океанские глубины, или проникая в гарем какого-нибудь восточного правителя.

Когда, наконец, первая волна восторга и упоения абсолютной свободы схлынула, я сам разыскал Странника.

– Эй ты, жалкий узник физической оболочки, – завопил я, обнаружив его где-то в районе Кавказа, – объясни, что вы, неразумные сущности, по нелепой случайности, наделенные божественными возможностями, находите хорошего в добровольном заточении.

– О чем ты, Олег? В каком заточении? – на лице Странника выразилось искреннее непонимание. – Покушай этот отличный шашлык, запей изумительным белым вином. Потом спокойно объясни, что ты хочешь, да.

Только теперь обратил внимание на то, что он сидел за столом на террасе, расположенной на горной площадке. Прямо перед террасой простиралась морская гладь, на которой белели несколько треугольников парусов небольших яхт.

У странника тело солидного джентльмена явно кавказской национальности.

– Тофик Азизович, – по платановой аллее, ведущей от двухэтажного здания, к столику подбежала молоденькая блондиночка. – Только что позвонил Фархад. Поставщики груз отпраздновали. Завтра утром он должен быть у нас.

– Хорошо, Леночка. Свяжись с Константином, пусть встречает, – отечески улыбаясь симпатичной девушке, распорядился мой друг.

– Да ты, никак, в кавказские мафиози заделался? – поинтересовался я у бывшего соседа по оболочке.

– Не носиться же вслед за тобой по всей планете, – степенно ответил тот, отпивая из бокала. – Я честный бизнесмен с полностью легальным бизнесом, честно отжатым у одного зарвавшегося азиата.

Он что-то еще говорил, но я пропускал слова мимо не существующих ушей, ибо все мое внимание сосредоточилось на сочных ломтиках поджаренного на углях мяса и на горке искрящейся капельками воды свежей зелени. Как же вдруг захотелось ощутить аромат шашлыка, почувствовать во рту его сочный вкус, с хрустом зажевать веточки петрушки, укропа и острым цимитом...

– Вах, слюшай, дарагой, научи меня вселяться в оболочки, да!

Наука вселения далась не сразу. Самым сложным оказалось проникновение. Страннику с трудом удалось научить меня пеленговать, если можно так выразиться, слабую человеческую сущность и, зацепившись за нее, пытаться овладеть телом. Тут еще влияла моя собственная человечность. Не мог я вот так вот взять и завладеть телом первого попавшегося ни в чем не повинного человека. Выбирал для вселения либо каких-нибудь мафиози, либо зажавшихся чиновников. Однако сущности таких особей, как и предупреждал Странник, оказывались довольно устойчивыми. Опыты с первыми клиентами закончились инсультами, что привело мозги оболочек в непригодность для вселения. И что мне было делать? Продолжая осознавать себя человеком, со всеми вытекающими из этого осознания нравственными критериями, я не мог отнять тело у простого ни в чем не повинного работяги.

Как-то, подыскивая очередного подопытного кролика, я посетил бильярдный клуб и увлекся наблюдением за игрой. Тут-то в голову и пришла мысль... Кстати, а куда приходят мысли бестелесному духу? Впрочем, не важно. Важно, что приходят. Так вот, я подумал, а что если не втискиваться в оболочку, постепенно вытесняя сущность хозяина, как учил Странник, а шарахнуть со всей дури, подобно бильярдному шару... Впрочем, чего тут долго размышлять? Вот толстяк с кием, степенно катая шары, рассказывает партнеру, как ловко втершись в доверие к лоху, отжал весьма прибыльное предприятие. Наш клиент! Беру дистанцию для разгона. Я бильярдный шар на идеально ровной покрытой зеленым сукном поверхности. Моя цель застыла перед лузой, лоснясь матовым блеском круглых боков. У-ух, я его... Бросок! Звонкий костяной щелчок! И шар сущности толстяка в глубокой лузе!

Бр-р-р... Теперь-то я понял, что чувствовал Странник, вселившись в мое тело. А ведь я старался поддерживать более-менее спортивную форму. Эта же пыхтящая оболочка страдала целым букетом прогрессирующих недугов, сопутствующих автомобильно-диванно-офисному образу жизни. А после свободы от брэнной плоти ощущение и вовсе такое, будто я вселился в труп. Не-е-ет, оставаться в этой тушке я не желаю! Но, прежде все же надо сделать кое-какое заявление.

– Господа! – подняв руку с кием, я призвал окружающую публику к вниманию. – Позвольте угостить всех присутствующих шампанским в честь моей очередной победы!

По поводу шампанского публика не сказать, чтобы вдохновилась, но вопросы по поводу победы последовали. Этого мне и было надо. Предложив желающим снять мое выступление на видео, я в особо извращенных красках описал подвиг хозяина тела по отжиму предприятия. Судя по появившимся на лицах презрительным гримасам, нужный эффект оказался достигнут. Даже партнер толстяка предпочел куда-то исчезнуть.

– Ну ты и чмо! – резюмировал общее отношение к рассказчику высокий парень.

Ну вот, дело сделано. Можно покинуть столь неприятную оболочку. Надеюсь, кроме клубных камер видео наблюдения, исповедь записал кто-нибудь еще, и завтра она попадет в сеть.

Вновь став свободным от физической оболочки, я поспешил к страннику. Хотелось поделиться с ним новой техникой овладения чужими телами. Ну, не столько поделиться, сколько похвастаться собственным открытием. Попутно еще несколько раз опробовал метод бильярдного шара на особях, по классификации странника, обладающих высокой сопротивляемостью к вселению. Эксперименты прошли, что называется, без сучка и задоринки.

Нашел странника все на той же горной террасе. Напротив него сидел какой-то неприятный тип и с явной угрозой махал перед лицом моего товарища растопыренными пальцами, сверкая набором крупных перстней. Бывший сосед по оболочке смотрел на агрессивного собеседника с усталой снисходительностью.

Ну что ж, прекрасный случай продемонстрировать мои возможности. Слету занимаю оболочку распальцованного, ожидаемо удивив странника.

– Вижу, у тебя проблемы, коллега.

– Да ну их, – пренебрежительно отмахнулся он. – Очередной местный мафиози желает поиметь мой бизнес. Ну что делать, если люди никак не желают учиться на чужих ошибках. Да Бог с ними. Лучше поведай, как тебе удалось так лихо занять эту оболочку?

После моего рассказа у него буквально засветились глаза. Оно и понятно. Вместо того, чтобы вселяться в оболочку слабовольной сущности и тратить долгие годы и без того короткой человеческой жизни на восхождение по социальной лестнице, теперь появилась возможность сразу занять тело крупного правителя и играть уже в по-настоящему серьезные игры.

Оставив мечтательно подкатившего глаза Странника строить планы мирового господства, я решил поразвлечься в новой оболочке. Для начала окинул ее оценивающим взглядом. Ого, какие большие брюлики в перстнях. Я-то с детства не любил вешать на себя всякие висячки, типа колец и цепочек. Цепь на шее, кстати, тоже присутствовала, вполне пригодная для выгула крупной собаки. Вещь, надо понимать, статусная. На верхней губе узенькие фразерские усики. Горбатый нос. Интересно, как меня зовут?

– Алик, – уловив мой вопрос, сообщил Странник. – Ты шашлык кушай, давай.

Аромат лежащих передо мной сочных кусочков жареного мяса заставил бурчать желудок. А от вида смачно жующего Тофика Азизовича начала обильно выделяться слюна. Я с рычанием набросился на шашлык, с наслаждением добавляя к мясу веточки разной ароматной зелени. А какой чудесный свежий хлеб! Не знал, что обычный хлеб может быть таким вкусным. Сколько же я не ел? И вообще, сколько времени я провел вне физической оболочки? Несколько лет? Десятков лет? Да какая разница, когда впереди вечность... М-м-м, чудесное вино!

– Вкусно, да? – подмигнул странник. – Вот тебе и ответ на твой вопрос.

– Какой ответ? На какой вопрос? – не понял я, отправляя в рот очередной кусочек мяса.

– Ты, Олег, спрашивал, что хорошего в обладании физическими оболочками? Ты как впервые увидевший белый свет ребенок. Но разве можно бесконечно просто смотреть на мир? Рано или поздно каждый ребенок начинает испытывать непреодолимое желание потрогать все, что видит. Ты многое видел, находясь вне ограничений физического тела. Но, чем виденное

тобой отличается от просмотра фильмов по стереовизору? Тот же эффект присутствия. По стереовизору даже можно больше увидеть, благодаря профессиональным операторам, знающим с какого ракурса и под каким освещением подать изображение.

Разве можно не обладая физическим телом почувствовать вкус изысканных яств? А прикоснуться к красивой женщине? А ощутить порыв свежего ветра? А почувствовать аромат цветущих трав?

Э-э-э, да что говорить. Ведь даже все те чувства, которые ты испытал, наконец-то оторвавшись от своего тела, ты испытал, созерцая физический мир. Понимаешь?

– Ладно. Убедил, – сдался я перед его доводами. – Но почему же тогда Создатели в конце концов покидают физический мир, удаляясь в спячку?

– Вопрос не совсем по адресу. Я, если ты не забыл, всего лишь странник. И до этого, покидал физические миры, только спасаясь от Создателей, и проводил время не в спячке, а в поисках нового мира. Однако могу предположить, что многовековое нахождение в рамках одного мира может быть утомительным, потому Создатели и устраивают себе своего рода отдых.

Посидев еще немного, я решил развеяться и заодно подумать над словами странника.

– Ладно, как там тебя, Азиз Тамбулатович?

– Тофик Азизович, – поправил странник.

– Ладно, Тофик Азизович, я, пожалуй, пока развеюсь немного. Наслажусь, как ты говоришь, прелестями брэнного существования. Заодно, немного поразмыслю. Кстати, – спросил, снова оглядев свою оболочку, – кто я и что я?

Далее узнал, что я подручный некоего Исы. Приехал к страннику с ультимативным предложением продать за бесценок бизнес, которым тот занимался.

– Вот и развлечение, как раз, – произнес я, слегка обдумав услышанное, и поднялся.

– Погоди, – остановил меня Тофик, рассматривая пустой бокал, который крутил в руках. Я вопросительно посмотрел на странника, но садится, снова не спешил.

– Пока ты отсутствовал, мне в голову пришла одна мысль, – после небольшой паузы сказал он и опять замолчал.

Я видел, что он не знает, как поточнее сформулировать свою мысль, и понимал, что она не простая. А так как у меня сейчас не было абсолютно никакого желания грузиться какими-либо проблемами, предложил:

– Давай, ты свою мысль выскажешь при следующей встрече? Надеюсь, она терпит?

Странник неожиданно легко согласился, и тут же у столика появилась блондинка Леночка. Тофик Азизович, глядя на нее потеплевшим взглядом, распорядился проводить меня к машине.

Игра с оболочками

За высоким каменным забором стоял огромный белоснежный внедорожник. Рядом находился коротко стриженный бугай, крутящий на указательном пальце цепочку с ключами.

– Э-э, Алик, эта девочка поедет с нами, да? Пачему одна, а? Ты только себе взял, да? О Серго не подумал, э-э? – плотоядно улыбаясь, бугай буквально пожирал глазами Леночку.

Девушка, побледнев, поспешно попрощалась и скрылась за калиткой, которую тут же закрыл охранник.

– Э-э, зачем ушла, а? – в голосе Серго послышалось искреннее разочарование.

Интересно, как он так ухитрился крутить цепочку – палец торчал практически неподвижно, а цепочка с ключами шуршала вокруг как вентилятор. Мне показалось, что от нее даже дул легкий ветерок.

Я задумался, как мне с этим бугаем обращаться – как с подчиненным или как с равным? Может, попробовать взять под контроль и его оболочку? Когда то странник рассказывал, что при наличии сущностей с малым интеллектом можно держать под контролем сразу несколько оболочек, заставляя их действовать по своему усмотрению. Ну да ладно. Пока не буду экспериментировать, а там посмотрим.

– Поехали к шефу, – сказал я с командными нотками в голосе, заодно следя за реакцией бугая, как он отреагирует на мой приказной тон, и сел на заднее сиденье.

– К кому? – спросил тот оторопело.

– К Исе, – пояснил непонятливому товарищу.

Вероятно, у них как-то по другому принято называть главного мафиози. Может, боссом?

– Э-э, ты что, Алик? – удивился он, садясь за руль. – Разве можно сейчас беспокоить Ису Алиевича?

– А что с ним? – я машинально задал вопрос, лишь после, сообразив, что сам должен быть в курсе всех дел. Поймав еще более удивленный взгляд Серго, небрежно произнес: – А, ты об этом. Не баись. Мне можно беспокоить Ису когда угодно.

– Э-э, ты что такое говоришь, а? – собравшийся было трогаться бугай, снова повернулся ко мне. – Ты что там пил у этого ары?

– А в чем проблема?

– Ты вообще не такой, да. Ты как русский говоришь...

– Я и есть русский, – прервал я разговорчивого водилу. – Езжай давай куда сказано!

– Э-э! – возмущенно эйкнул Серго, но все же воткнул передачу, и мы, наконец, поехали.

Не менее часа кружили по горным дорогам. Обиженный громила молчал, лишь изредка зыркал на меня через зеркало заднего вида.

Через час, минуя тянувшиеся вдоль дороги ровные ряды мандариновых деревьев, мы въехали через кованые ворота за высокий каменный забор. Внутри среди нескольких невысоких строений сутились какие-то люди. Большинство из них одето в старое тряпье.

Серго остановил джип рядом с не менее крутыми тачками. Выйдя из машины, я с удивлением заметил среди других автомобилей старинный УАЗик со снятым верхом, вероятно, мой ровесник. Не предполагал, что такие машины еще где-то сохранились. А когда-то, помнится, полно приводные российские джипы пользовались некоторым авторитетом на Кавказе. По крайней мере, организаторы экскурсий по горам предпочитали использовать именно эти автомобили, нежели нежные импортные внедорожники.

– Фигасе, раритет! – я подошел к УАЗу и пнул его по колесу.

– Э-э! – раздался за спиной возмущенный вопль Серго.

– Ты зачем так сделал, а? – послышался еще один не менее возмущенный голос.

– В чем проблема, мужик? – спросил я у приближающегося индивидуума странной наружности – лицо без признаков кавказской национальности в большой кепке-аэродроме. Но, несмотря на рязанские черты физиономии в голосе слышался явно кавказский акцент. Джигит хотел сказать еще что-то и уже начал ввинчивать палец в небо, обозначая особую мудрость должной прозвучать фразы, но мой вопрос почему-то огорошил его так, что он застыл с открытым ртом и воткнутом в небо пальцем.

– Э-э, Али, – снова заэкал Серго. – Ты зачем Заурбека так назвал? Какой он тебе мужик, а?

– А? – поддержал его вопрос начавший выходить из ступора рязаноликий Заурбек.

– Так ты не мужик?

– Ты, Али, специально так говоришь, да? Скажи, чего ты хочешь? Зачем пнул машину Исы? Зачем меня мужиком называешь, а? Почему ты так себя ведешь?

– Так этот драндулет – машина Исы? – я окинул пошарпанный УАЗик более заинтересованным взглядом. – А где он сам?

– Что с ним, слушай? – обратился Заурбек к Серго.

– Сам не пойму, да, – пожал тот плечами. – Как вышел от этого ары, так как будто совсем другой стал.

– Али, ты же знаешь, что Иса может с тобой сделать, если ты накурился какой-нибудь дряни, да? – снова обратился ко мне встретивший нас джигит.

М-да, похоже сцена затянулась. Хорошо еще, что больше никто не подходил. Остальные, снующие по двору оборванцы, похоже, какие-то местные работяги. Чем они тут вообще занимаются? И чего странника занесло в эти горы? Надоело прозябать в цивилизованных государствах?

Ну что ж, развлекаться, так развлекаться. Пришло время проверить уверения странника в том, что можно брать под контроль сразу несколько оболочек. Оставаясь в теле Алика я потянулся к оболочке Серго и у меня довольно легко получилось отодвинуть его сущность.

– Заурбек, скажи, где сейчас находится Иса? Спросил я голосом Серго и тут же подтвердил вопрос от имени Алика: – Да, Заурбек, где Иса?

С удовлетворением отметил, что держать под контролем оболочку не обремененного интеллектом громилы получается довольно легко.

– За-зачем вам Иса? – совершенно сбитый с толку джигит перевел взгляд с одной контролируемой мной оболочки на другую.

– Э-э, слушай, надо, да! – бросил я раздраженную реплику, стараясь эмитировать манеру Серго.

– Ты что, Серго, тоже курил вместе с Али? – похоже, Заурбек твердо решил игнорировать Алика и общаться только с Серго. Обиделся, наверное, на «мужика», или на «не мужика». – Ты забыл, да, что Иса в это время общается с Аллахом? До заката его нельзя беспокоить.

– Э-э, Заурбек, не тупи, да. Разве я спрашивал тебя, чем занимается Иса? Спрашивал? Нет. Я спросил тебя только лишь, где он сейчас находится. Почему ты не можешь мне просто ответить, а?

При взгляде на лицо джигита было понятно выражение «крайнее изумление». Открытый рот, выпученные глаза, съехавшая на затылок большая кепка, обрамляющая голову темным ореолом, чуть ли не на темечко задранные брови и – такое я видел впервые – слегка шевелящиеся кончики мясистых ушей.

Подступив к Заурбеку с двух сторон я произнес сразу двумя голосами

– Веди нас к Исе. У нас для него есть новость, которую он должен узнать немедленно. В противном случае он выпотрошит тебя, как барана. Понял, да?

Вряд ли джигит что-то понял, но звучащие в унисон голоса подействовали на него гипнотически, и он, повернувшись, побрел в сторону одного из строений. На полпути наперерез

нам вышел еще один джигит. Пнув пробегающего мимо оборванца, парень широко заулыбался, будто мы являлись его лучшими друзьями, которых он невероятно как рад видеть. Раскинув руки, новый встречный попытался было обнять оболочку Алика.

– Пшел вон, урод! – коротко пресекла эту попытку управляемая мной оболочка, и в окрестных горах стало еще на одного офигевшего джигита больше.

– Э-э... – только и смог он вымолвить нам вслед, оставшись стоять с вытаращенными глазами.

Дверной проем в строение, куда вел Заурбек, загородил дюжий детина, сверкающий гладко выбритым черепом. Строгий взгляд из-под густых бровей вопросительно уставился на нас. Можно было сотворить что-нибудь эдакое и с ним, но мне уже не терпелось увидеть наконец этого Ису, а заодно и то, как он общается с Аллахом. Поэтому я решился продолжить эксперимент и потянулся к оболочкам лысого и Заурбека. Взять их под контроль получилось, но при этом я выпустил оболочку Серго. Однако, тут же вернул ее, потеряв контроль над оболочкой лысого. Пожанглировав таким образом пару минут, я все же приспособился управлять сразу всеми четырьмя. Но для этого с непривычки приходилось держать себя в напряжении. Так и вошел в помещение.

Внутри большая комната, застеленная коврами. На каменных стенах так же висят ковры. Из-за одного из ковров доносилось неясное бормотание. Откинув его, увидел, что метровый коридор оканчивался опять же занавесом из ковра. За ним снова коридор и снова ковер, из-за которого уже более ясно слышались голоса. Голоса явно женские. Откинув последний ковер, я ввалился всеми четырьмя телами в освещенную десятком свечей комнату. В центре стояла большая кровать, на которой среди трех обнаженных блондинок лежал волосатый мужичок. Лица его не было видно, потому что он, запрокинув голову, вливал в раскрытый рот шампанское прямо из бутылки.

М-да... Если это Иса, то, похоже, Аллах является к нему для общения в образе трех обнаженных красавиц. Интересно, он ко всем так приходит? А то, ради такого общения, можно и ислам принять. Хотя, нет, не смогу я общаться с женской оболочкой, зная, что ею владеет изначально мужская сущность.

Кстати, а ведь Аллах, как и другие его божественные собратья, наверняка является некогда воплощенной фантазией одного из создателей.

Впрочем, вернемся к нашему Исе, который выбрал хоть и не оригинальный, но вполне нескучный способ общения с Всевышним.

На всякий случай возвратил оболочки Серго и Заурбека владельцам. Пусть полюбуются на своего босса.

Иса тем временем, утолив жажду, откинул пустую бутылку в угол и уставился на нас. Блаженное выражение на его лице плавно перетекло в крайне изумленное. Честно говоря, внешне он никак не тянул на крутого мафиози. Среднего роста мужичок сейчас больше походил на мокрую курицу, чем-то очень удивленную. Его горбатый и остроконечный нос напоминал птичий клюв. А манера смотреть по-птичьи боком, дополняло это сходство. Как позже выяснилось, левый глаз у мафиози был стеклянным, потому что он постоянно и поворачивал лицо вперед правой стороной.

– Ма-альчики пришли-и, – протянула одна блондинка, радостно глядя на нас ослепленными глазами.

Ее подружки тоже растянули личики в улыбке, но сказать что либо были не в состоянии. Судя по их заторможенным движениям, они были под приличным кайфом.

– Э-э?! – Иса наконец-то надвинул на лицо маску негодования и попытался найти соответствующие слова.

– Ю. Я, – закончил я за него русский алфавит. Меня уже начала раздражать привычка местной братвы экать по любому поводу.

– Э-э, – словно в ответ на мои мысли, произнес Серго.

Повернувшись к Заурбеку, который во все глаза созерцал картину общения Исы с Аллахом, я предупредил:

– Экнешь – убью.

– А? – он попытался сообразить, о чем это я ему говорю, но потрясение увиденным было столь велико, что джигит тут же забыл о моей реплике и снова сосредоточил внимание на хозяине помещения.

Ковер на входе резко откинулся и в комнату ворвался тот абрек, которого я только что послал куда подальше, дабы избежать радостных объятий. Его красное лицо прямо таки горело праведным негодованием.

– Э-э, Алик, ты зачем так сказал, а? Ты хочешь... Ты... Ты...

Так и не объяснив мне, что я хочу, вновь прибывший присоединился к общей немой миниатюре – «к нам приехал ревизор».

– Пошли вон! – Иса наконец справился с потрясением и заорал на ворвавшихся подчиненных.

Джигиты, втянув головы в плечи, поспешно направились на выход.

– Стоять! – теперь я заорал на них голосами Алика и здорового охранника.

Джигиты остановились, переводя непонимающие взгляды то на меня, то на своего шаловливого босса.

Я сделал попытку взять под контроль тело Исы. Однако наткнулся на довольно сильное сопротивление. Сущность этого мафиози относилась к тем, которых можно вышибить только бильярдным шаром. Но тогда я точно потеряю контроль над Аликом. Собственно ничего удивительного. Иначе он не был бы лидером.

Оставив неудачную попытку, я подошел и отвесил ему звонкую оплеуху открытой ладонью по потной макушке. Пока тот, задыхаясь от негодования, соображал, как реагировать на выходку подопечного, подошел к нему телом лысого громилы и отвесил еще одну затрещину. После чего возвратил оболочку владельцу и, поочередно беря под контроль остальных, продолжил экзекуцию. Напоследок приложился увесистым кулаком Заурбека, и Иса кубарем слетел с ложа.

Блондинки наблюдали за происходящим без особых эмоций.

– Упал, – равнодушным голосом сообщила о финале одна из них, та, через которую он перевалился, покидая кровать. После чего сползла следом и начала гладить мафиози по голове, словно собаку.

Остальные присутствующие затравленно заозирались, с опаской глядя друг на друга. Ведь каждый из них не знал, что и сам принимал участие в избиении авторитета, а думал, Будто оказался случайным свидетелем бунта.

Лысый вдруг отскочил в угол и, выхватив откуда-то здоровенный нож, начал тараторить на непонятном наречии, изобилуя звуками «ч» и «х», делающими его речь похожей на непрерывный треск короткого замыкания в электрической проводке. Интересно, почему он схватился за нож, если в кобуре подмышкой висит что-то огнестрельное?

Теперь все взоры оказались прикованы к жавшемуся в угол громиле.

Я сел на лавку у противоположной стены и, закинув ногу на ногу, стал с интересом ждать развития событий. Мелькнула мысль освободить и тело Алика, но, изголодавшись по физическим ощущениям, решил пока оставить его себе.

– Э-э, Рамазан, ты зачем всех шакалами назвал, а? – обращаясь к лысому, первым заговорил тот джигит, который явился последним высказать мне свое возмущение. – Разве ты сам не бил Ису? Разве не ты привел к нему этих русских шлюх?

– А ты знал, что вместо общения с аллахом, Иса общается со шлюхами? – теперь уже я спросил у заговорившего.

– Э-э, зачем так говоришь, Али? Я не знал. Я видел. Все видели. Михмет каждый день привозил их. А он, – джигит кивнул на лысого, – провожал к Исе.

– Так вы все были в курсе, чем занимается этот извращенец? – я окинул суровым взглядом ошеломленных бандитов.

– Михмет привозил святых проводников, с чьей помощью Иса постигал путь, ведущий к Всевышнему, – подал голос Заурбек и, уставившись на одурманенных блондинок, воскликнул: – Так вот почему они скрывали свои лица под башлыками, будто монахи неверных!

Из угла снова начал трещать лысый Рамазан, вставляя на этот раз между короткими замыканиями нечто похожее на «буги-вуги».

– Э-э, заткнись, да, чурка нерусский! – раздраженно бросил ему Заурбек.

Устав ждать от абреков каких-нибудь действий, способных меня развлечь, я поднялся и направился к выходу, кивнув кавказской братве на Ису:

– Заверните эту свинью в ковер и тащите в машину, теперь я буду его проводником на пути к Аллаху.

Через несколько минут мы уже ехали вверх по горной дороге. За рулем раритетного УАЗика сидел Серго. Я сидел рядом, по-прежнему оставаясь в оболочке Алика. Сзади на двух лавках друг напротив друга разместились Заурбек с обиженным на меня абреком, имя которого я так и не узнал, и Рамазан. В ногах у них валялся завернутый в ковер Иса. Он так и не пришел в себя. По крайней мере признаков жизни не подавал.

– Скажи куда ехать, Алик, да? Мы едем к этому аре? – спросил Серго, крутя баранку на очередном повороте серпантина.

Действительно, куда мы едем? Зачем мне эта шайка бандитов? Я вдруг понял, что словно ребенок наигрался с новыми игрушками, и они теперь стали неинтересны. М-да, вероятно не ту оболочку выбрал для вселения. Еще раз окинув взглядом пассажиров, я оставил приютившую меня оболочку и переместился в тело Серго. Впервые очнувшийся Алик с недоумением посмотрел вокруг.

– Э-э, – обратился он к Серго.

Следующие слова застряли в открытом от ужаса рту мафиози. В его выпученных глазах отразился противоположный склон, поросший густой растительностью.

Я покинул летящую в пропасть машину и устремился ввысь. Мне было о чем подумать.

Бегство

В тот раз, сбросив машину с абреками в пропасть, я вернулся к страннику. Он ждал меня. На лице кавказца все еще сохранялось выражение озабоченности.

– Ну, ты сформировал ту мысль, которую хотел высказать мне? – подсел я к нему.

– Я собираюсь покинуть этот мир, Олег, – огорошил меня странник, вероятно не понимая, что при моем все еще человеческом мышлении подобное заявление воспринимается вполне однозначно.

– Ты же бессмертен... – последовало мое непонимающее.

– Олег, – Тофик прищурил глаза, и в устремленном в морскую даль взгляде вдруг вспыхнули искры азарта, – твой метод бильярдного шара, а я уже испытал его, открывает великолепные перспективы.

– Так в чем же дело, коллега? Я много раз слышал, что тебе надоело возиться в песочнице. Вот и вселяйся в оболочку какого-нибудь короля или президента, и веди нацию к процветанию, мировому господству, в Космос к другим планетам, и куда там еще твоя бессмертная душа пожелает.

Будь все так просто, ты бы, Олег, уже не застал меня в этом теле.

– И в чем сложность?

– В том, что проявился один из создателей этого мира. Пока бодрствует он один, и мы особо не шумим, то остаемся для него незаметны. Но если проявятся и остальные... В любом случае, нам теперь остается лишь тихо ковыряться в глухих уголках. Ибо если она заметит чужаков, то немедленно пробудит собратьев. А у создателей заложено на уровне инстинктов порвать и поглотить любую вторгшуюся извне сущность.

– Ты сказал она? Это женщина?

– Тана Ли, – кивнул Тофик Сидракович. – Я почувствовал ее тридцать лет назад во время поездки в Южную Корею. Ты тогда носился по миру в бестелесном состоянии и не желал откликаться на призывы. Мне повезло, что создатель в тот момент только-только вселился в оболочку юной кореянки и занимался ее освоением. Больше ничем я не могу объяснить тот факт, что он меня не заметил. Естественно, я сразу же покинул оболочку, которой тогда владел, и унесся как можно дальше. Поняв, что не обнаружен, вселился в этого армянина, – странник хлопнул себя по груди. – С той поры я особо пристально следил за событиями в Южной Корее, и вскоре заметил ту девочку в новостной ленте. Тана пошла своеобразным путем. Выйдя замуж за ничем непримечательного молодого корейца, она сделала ему громкое политическое имя, создала вокруг мужа партию «Единая Корея». В течение пяти лет эта партия приобрела небывалый авторитет в обеих Кореех и объединила их, в одночасье бескровно свергнув марионеточные правительства. Теперь Тана является Первой Леди Единой Кореи. Всюду следует за своим мужем, глупо улыбаясь и неся всякую светскую чушь в микрофоны и телекамеры назойливых журналистов.

А между тем намечается создание Азиатского союза, в центре которого будут Корея, Япония и Китай. И вряд ли кто-то кроме меня догадывается, что за всем этим движением стоит маленькая женщина. Впрочем, думаю, на следующем этапе она сменит оболочку.

Но мне уже не интересно следить за игрой местного создателя. Я хочу найти старенький мир, хозяева которого находятся в непробудной спячке, и самому порезвиться там как следует.

– Ты хочешь сбежать из нашего мира? – дошло до меня. – А я? Я тоже хочу повидать другие миры!

– Дело в том, Олег, что я не знаю, кто ты такой есть. Знаю только, что ты порождение этого мира. И не известно, получится ли у тебя его покинуть.

– А если не получится, то что?

– То рано или поздно создатели тебя обнаружат и уничтожат.

– Вот этого мне не надо, – решительно заявил я.

– Есть у меня одна мысль, – продолжил странник. – Помнишь, я рассказывал тебе, что в мирах иногда по неизвестным мне причинам рождается восьмой создатель. А так как миры по своей природе семизначны, то его появление приводит к дестабилизации. Но, опять же по непонятным причинам, никто из семерки не решается напасть на восьмого. Наоборот, они панически боятся его. Он же начинает азартную охоту, которая заканчивается поглощением одного из прежних. После чего создателей вновь становится семеро, и мир приходит к равновесию. Однажды, не знаю, что тогда на меня нашло, я пытался прикинуться восьмым. Однако еле унес ноги. Но у тебя, Олег, это может получиться. Ведь ты порождение этого мира. Так вот мой тебе совет, поймешь, что обнаружен – нападай без промедления. В этом будет твой единственный шанс.

– М-да, перспектива сомнительная, – я пожалел, что нахожусь в бестелесном состоянии, ибо очень захотелось почесать затылок. – Даже не представляю, как бесплотные духи могут нападать друг на друга. Но давай сперва попробуем сбежать к иным мирам вдвоем. Вдруг у меня легко получится последовать за тобой.

– Ты готов попробовать отправиться прямо сейчас? – поднял брови Тофик Азизович.

– Э-э-э, погоди, – ответил я после небольшой паузы, – хочу напоследок немного потусоваться в физической оболочке.

– Хорошо. Но не шуми и держись подальше от Кореи.

– Ты уверен, что готов покинуть этот мир?

– Я уверен, что готов отправиться к другим мирам. В конце концов, сколько можно тянуть?

Под порывами штормового ветра мы стояли у парапета, огораживающего выступающую скальную площадку. Внизу, разбиваясь в пенной злобе о камни, бесновались морские волны. Где-то у горизонта из низких туч вырывались ветвистые молнии. Мир будто бы гневался на две непутевые сущности, собиравшиеся его покинуть.

– И все же, готов ли ты навсегда проститься со своим родным миром? – повторил вопрос странник.

– Я думал об этом, – ответил я, прикрыв глаза от хлестнувших в лицо струй дождя. – И возможно еще полвека назад подобная перспектива заставила бы меня отказаться от безумного шага. Однако за последний век мне от столького пришлось отказаться, столько потерять и со столькими родными и близкими людьми проститься... Да и потом, ты сам обрисовал мне альтернативу. Быть сожранным одним из создателей, или сожрать кого-то самому... Нет, перспектива посетить другие миры меня привлекает больше.

– Я никогда не был между мирами с кем-либо в компании, – снова заговорил странник, после продолжительной паузы.

И что?

– В физическом мире, удаляясь, мы перестаем ощущать друг друга. Сближаясь, снова встречаемся. Но там нет расстояний и направлений. Там нет вообще никаких физических величин и ощущений. Сможем ли мы там чувствовать друг друга? Готов ли ты к тому, что мы можем потерять не только этот мир, но и друг друга?

Вот, блин, надо же было ему сообщить об этом в последний момент. Это все равно как человеку, перепрыгивающему через канаву, в то время, когда он уже отталкивается от ее края, сообщить, мол, если что, внизу вовсе не грязь, а дерьмо, сливающееся из санузла инфекционного отделения местной больницы.

– Мне будет не доставать твоего занудства, – я со злостью старался перекрыть шум бури. – Хватит тянуть! Поехали! А то я передумаю-у-у...

Бросив последний взгляд на сиротливо темнеющее слепыми окнами здание за спиной, странник вслед за мной шагнул за парапет.

В пустоте

Несмотря на то, что странник неоднократно втолковывал мне, будто в пространстве между мирами абсолютно ничего нет, я все же представлял наш исход подобно полету в космос – планета, уменьшаясь, превращается в голубой шарик, вращающийся вокруг огромного, ослепительно яркого, оранжевого солнца, которое, в свою очередь, также уменьшается и превращается в одну из миллионов звездочек, светящихся на черном фоне бескрайнего Космоса.

Однако переход был мгновенный. Только я потянулся за товарищем, оставляя летящее в морскую пучину тело, как тут же провалился в оглушающее ничто. Эффект был такой, будто находясь посреди шумного зала ресторана, вдруг резко лишаешься зрения и слуха. Пустота! Абсолютная! Ни с чем не сравнимая!

– Странник!

– Олег! Я не ощущал тебя. Думал, что уже потерял.

С невероятным облегчением я осознал присутствие странника. Остаться здесь в одиночестве не было ни малейшего желания.

– Вот видишь. А ты переживал, что мы потеряемся, – передал ему наигранно бодрое ментальное сообщение. – Ну давай, Сусанин, веди к неизведанным мирам. Оставим, так сказать, на их пыльных тропинках следы нашей жизнедеятельности. Как, кстати, тут двигаться?

Я с удивлением обнаружил, что не понимаю, каким образом перемещаться в этой пустоте. А как я перемещался в своем мире? Да просто хотел двигаться и двигался. Так почему же здесь ничего не получается?

– Стоять! – странник буквально оглушил меня.

– Ты чего орешь как потерпевший?

– Не удаляйся от меня. Постоянно проверяй мое присутствие. Сейчас мы друг для друга являемся единственными ориентирами, определяющими как расстояние, так и время. Если выпустим друг друга из виду, скорее всего больше не найдем.

– Ясно. Держись тогда поближе. Только не поглоти меня невзначай. И все же, как тут двигаться? И, кстати, как я двигался в нашем мире, когда находился вне физической оболочки? Почему здесь у меня ничего не получается?

– Все очень просто, Олег. Сейчас попытаюсь тебе объяснить. Сущность, находящаяся вне физического тела, но в физическом мире, определяет движение по какому либо ощущаемому ею физическому ориентиру. Например, при визуальном контакте. Ты видишь, скажем, дерево и, изменяя расстояние, приближаешься к нему либо удаляешься. Здесь же нет никаких ориентиров, и потому ты, не обладая нужным опытом, выпав из материального мира, забарахтался как ребенок. Затем, ощутив меня, непроизвольно оттолкнулся и едва не унесся по инерции неизвестно куда.

– Так как же двигаться, если нет ориентиров?

– Элементарно. Создаешь точку и удаляешься от нее.

– Мысленно?

– Ты сам есть подобие мысли, – после некоторой паузы ответил странник. – А значит все, что ты делаешь, делается мысленно.

– Как-то трудно мне все это осознать.

– Боюсь, теперь у тебя будет достаточно времени для осознания.

– Может, создадим эти самые точки и двинем уже? Разговаривать можно и по дороге.

– А мы давно уже двигаемся, Олег.

– Как это?

– Ну, ты-то относительно меня неподвижен. Но я относительно созданной мною точки давно уже нахожусь в пути. А значит, и ты движешься со мной.

– Хорошо, что в подобном состоянии у меня нет материального мозга. Иначе он закипел бы от твоих объяснений, коллега.

Жутковато все же находиться в этом междумирье. Меня-то хоть как-то ободряло присутствие странника, а каково находиться здесь в одиночестве? М-да.

– А мы можем здесь наткнуться на странствующего коллегу? – спросил я лишь бы нарушить тянущуюся невесть сколько тишину.

– Теоретически, наверное, можем. Но я ни разу никого не встречал.

– Жаль, – мое сожаление было искренним. – Втроем было бы веселее.

Интересно, сколько времени мы находимся в этой нереальной дыре? В памяти всплыли рассуждения странника об относительности ощущения времени.

Периодически, чтобы развеять гнетущие мысли, я заговаривал с товарищем обо всем, что приходило в голову. В голову? А головы-то и нет. Куда же тогда приходят мысли?

Казалось, будто мы висим в пустоте уже целую вечность. Может, странник заснул и прекратил движение?

– Ау, коллега!

– Чего орешь?

– Ты не уснул? Мы не остановились?

– Нет. Движемся, – односложно ответил спутник. Вероятно, пустота на него тоже действовала угнетающе.

М-да, не приведи Господь застрять в .той жутчайшей пустоте навечно.

От такой мысли создалось нереальное ощущение пробежавших по спине холодных мурашек. Я будто бы даже передернул плечами. Экая иллюзия физических ощущений.

Смертельный зародыш

Погрузившись в размышления, не сразу заметил появившееся новое ощущение. Теперь кроме странника, я чувствовал что-то еще. Это что-то было пока еще очень далекое и неясное. Казалось, будто оно проплывало мимо нас, ибо постепенно удалялось.

– Что это такое? – немедленно последовал мой вопрос спутнику. – Ты разве не чувствуешь?

– Что? – не понял странник.

– Я что-то ощущаю. Но оно от нас удаляется.

– Странно. Почему же я ничего не заметил? – удивился он. – Попробуй приблизиться к этому.

Я потянулся к удаляющейся цели и она начала вновь приближаться.

– Это мир, – наконец известил странник.

Мир? Ура! – обрадовавшись, я сделал стремительный рывок к долгожданному объекту наших поисков.

– Остановись! – донесся вслед панический посыл странника: – Этот мир только создается!

– И что? – только и успел я спросить, прежде чем ворваться в нечто, напоминающее вихрь, объединивший в себе семь подобных нам сущностей. Слившись в единое целое, они, тем не менее, не стали чем-то единым, а лишь гармонично дополняли друг друга.

Создатели кружились в невероятном танце, излучая некую энергию, направленную в зарождающееся в центре их хоровода нечто материальное.

Успев ощутить все это за долю мгновения, в следующий миг я плюхнулся в центр ментального хоровода, неуклюже расплескав зарождающееся творение.

Окунувшись в эту так называемую первичную материю, испытал невероятное блаженство, сравнимое наверное с тем, которое испытывает припавший к источнику путник, долгое время находившийся без воды в жаркой пустыне.

Отдавшись невероятным чувствам и забыв обо всем на свете, какое-то время впитывал благостную энергию. Однако некое некомфортное ощущение заставило обратить внимание на окружающий мир. Только теперь я осознал отсутствие странника. Где же он? Остался вне? Вспомнив его последний крик и окончательно очнувшись, я начал оценивать обстановку.

Вихрь вокруг меня по инерции продолжал кружиться, но исходящая из него энергия стремительно убывала и, вместе с тем, трансформировалась из созидательной в (как бы это объяснить?) нейтральную, что ли.

Я буквально физически ощутил на себе внимание семерых Создателей. И их эмоции. Удивление, изумление и непонимание, постепенно переходили в яростное негодование.

– Восьмой? Это Восьмой!

– Но почему? Почему так рано?

– Мы только вначале создания! Разве может сейчас прийти восьмой?

– Мы что-то сделали не так? Что теперь будет?

– Это не восьмой! Это чужак! Мы должны его уничтожить!

– Мы должны его поглотить!

– Э! Э! Ребята! Вы не за того меня приняли! Я просто проходил мимо и решил... Твою мать! Да что ж вы делаете, волки!

Мою волю, мой разум будто облачили в стальную оболочку, которая начала медленно, но неумолимо уменьшаться, сдавливая все сильнее и сильнее. Снова попытался обратиться к напавшим, но похоже мои послы оставались заперты вместе со мной и до них не доходили. Так же и я перестал слышать их. Мне вынесли приговор, не подлежащий обжалованию. Только

что пополнившая меня энергия, потекла в обратном направлении семью тоненькими ручейками. Я инстинктивно постарался сдерживать натиск и не дать этим злобным сущностям поглотить себя. Ведь я такой же, как они! Я еще ничего не успел, ничего не увидел! Я же хочу прожить вечность! Хотя бы одну!

Ценой невероятного напряжения удалось-таки истончить ручейки покидающей меня энергии. Однако силы продолжали убывать. Было понятно, что пройдет совсем немного времени, и мое сопротивление будет сломлено, а сущность поглощена. А силы все иссякали. Я больше не мог сопротивляться. Энергия начала покидать меня стремительными потоками. Если бы я не впитал ее с избытком, так неосторожно ворвавшись в зарождающийся мир, то, вероятно, давно уже был бы поглощен без остатка. Но и теперь существовать мне оставалось не долго.

Уже находясь на грани небытия, я вдруг начал ощущать себя неким подобием плода, с заключенным внутри семенем. И что-то подсказало – в этом семени спасение! Пришло понимание, что это семя есть моя человеческая сущность. А та сочная мякоть энергии, которая обволакивала его ранее и сейчас активно пожиралась семью злобными сущностями, была получена мной от симбиоза со странником. Благодаря ей я и стал подобен ему.

Еще не осознав до конца, что нашел путь к спасению, я начал действовать на уровне инстинктов – раскрыл семя и, как бы выворачивая себя наизнанку, накрыл им иссохшийся морщинистый плод.

Давление извне сразу же прекратилось, отток энергии остановился.

Чертовски неприятно чувствовать себя сморщенной высохшей вишенкой. Но чертовски приятно осознавать себя живым!

Создатели остановились в недоумении, соображая, куда я делся. До меня вновь стало доноситься их общение. Они были уверены, что не поглотили меня целиком, и даже как-то слабо ощущали мое присутствие, но не могли пробиться.

Решив не испытывать судьбу, я поспешил удалиться. Однако решить не значит сделать. Попытка сбежать ни к чему не привела. Этот недомир еще настолько ничтожно мал, что удалиться в нем попросту некуда.

Но почему бы не убраться из этого мира совсем? Как мы покинули свой? Я просто держался рядом со странником, и он выкинул нас обоих в ту жуткую пустоту. Как же не догадался поинтересоваться способом такого перемещения? Вот влип. Это что ж мне теперь вечно прятаться от этих упырей? Вне миров конечно жутко, но там хоть никто не пытался меня сожрать. Я почувствовал себя аквалангистом, сидящим в клетке, вокруг которой рыщут голодные акулы. Нюхом они меня чувят, но зубами дотянуться не могут. Клетка пока прочная, но у акул в запасе вечность, и они могут дожидаться неосторожно высунутой руки, а то и того момента, когда коррозия источит металлические прутья.

Ладно, нечего нагонять на себя жути. Лучше буду мыслить мысль о способе бегства. Странник объяснял принцип передвижения нематериальной сущности – это нечто ассоциативно напоминающее оптическое приближение и удаление объекта с помощью объектива видеокамеры. Единственно, вне миров этот объект необходимо создавать мысленно. Теперь оставалось понять, как перемещаться из мира во вне и наоборот? Хотя, как наоборот я уже знаю – видишь мир и несешься в него, аки мышь в мышеловку.

Но как совершить прыжок в пустоту, если пустоты не видно? Мысленно ее представить? Или... Стоп! Кажется мелькнула какая-то разумная мыслишка. Куда же она спряталась, чертовка? Двигаться можно не только к чему-то, но и отталкиваясь от чего-то...

Я пытался скрыться от Создателей в созданном ими мире. Так и надо выбрать объектом, от которого стоит удалиться, не Создателей, а весь их мир...

Охватив ощущениями чуть не убивший меня зародыш, я сделал рывок прочь.

И снова вокруг простиралось спасительное, ненавистное, абсолютное ничто.

Но теперь рядом отсутствовал странник. Понимание потери друга и обреченности на одиночество перевесило радость спасения и обрушило на меня угнетающую тоску. Парализованный ощущением безнадёги, я неопределенное время находился без движения. Наконец, осознав, что печаль довольно нудное и непродуктивное занятие, создал воображаемую точку и начал стремительно от нее удаляться. Иногда, для большей уверенности в собственном движении, создавал новые точки и отталкивался уже от них. Периодически, для разнообразия, двигался не от воображаемых точек, а к ним, воображая их впереди.

Будучи вдвоем со странником, можно было отвлекаться на разговоры. Теперь же я чувствовал себя глухослепым идиотом, который, благодаря съехавшей крыше, вообразил себе невесту какой бред.

Но что это?

Или я невероятно везучий, или время в моих ощущениях летит довольно быстро. А может, я просто быстро передвигался и успел за короткий срок покрыть значительное расстояние, если такое понятие, как расстояние, существует в пространстве между миров. В любом случае, вспоминая рассказы странника, я был настроен скитаться невероятно долго, прежде чем мне мог повстречаться новый мир. Потому ощущение приближения этого мира оказалось несколько неожиданным.

На этот раз, наученный горьким опытом, я приближался не спеша, попутно соображая, как прошлый раз странник определил, что тот мир только создавался? Вскоре понял это и сам.

По мере приближения, ощущениями охватывалось все большее нечто. Наконец, оно стало настолько всеобъемлющим, что буквально подавляло своей необъятностью. Вероятно, подобные чувства мог бы испытывать космонавт, находящийся в открытом Космосе и взирающий на огромную планету, заслонившую от него большую часть пространства. Разница лишь в том, что здесь отсутствовало визуальное восприятие. Я по-прежнему находился в крошечном междумирье. Однако настолько сильно ощущал это огромное нечто, что казалось, будто оно находится за тончайшей непроницаемо-черной пленкой. Пришло понимание, что передо мной самый настоящий, полноценный, давно сформированный Мир. Осталось сделать один шаг, и я смогу оказаться там, куда изначально стремился. Ощутил себя опрометчиво забравшимся на десятиметровую вышку посетителем бассейна, который и плавать-то толком не умеет.

Стик

Стик сидел на поваленном дереве, подперев двумя руками голову и держа в другой паре рук два огромных топора. Сегодня утром Хаам, осмотрев его сына, сказал, что тот вряд ли доживет до заката, и Стику необходимо поспешить вырубить похоронную капсулу.

Как же они с Натой радовались рождению долгожданного ребенка. В нем был весь смысл их жизни. Да и зачем еще жить стору, как не для продолжения рода? Стик и так слишком много времени провел на порубежных заставах. Когда вернулся в родной поселок, некоторые ровесники уже нянчили внуков. И не познать бы воину радости отцовства, не наткнись он однажды в лесу на логово стахов.

В тот день охота была неудачной. За весь день лишь раз поднял дротик, услышав шум в кустах, но змея так и не увидел.

Посетовав на свою невезучесть, Стик уже повернул домой, когда краем глаза заметил неестественно блестящую траву за стволами деревьев. Почувствовав неладное, охотник подошел ближе и убедился, что трава была обильно смазана слизью. Значит где-то совсем рядом находится логово стахов. Стор невольно передернул плечами и, опасливо оглядываясь вокруг, достал из-за спины еще один дротик и вынул из-за пояса оба метательных топорика. Лесные стахи конечно не чета пустынным. Но зато они жили не парами, а каждая самка держала при себе от трех и, если взрослая, до десятка самцов. Встретить такую ораву восьминогих тварей, не имея серьезного оружия, вовсе не хотелось. Нужно спешить в поселок, предупредить жителей о появившейся напасти. А утром, вооружившись боевыми топорами, вместе с остальными сторами вернуться сюда и убить тварей.

Неплохо бы точнее разведать, где стахи выкопали свою нору, но если ступить на слизь, то потом восьминогие пройдут по его следу к селению и ночью запросто вломятся к кому-нибудь в дом.

Очень осторожно, внимательно глядя под ноги и стараясь не наступать на сухие ветки, охотник начал удаляться от обнаруженного логова. Не пройдя и десяти шагов, услышал топот многочисленных ног. Отпрянув за ближайшее дерево, он внимательно всматривался в то направление, откуда слышался топот.

Из зарослей, невероятно быстро перебирая многочисленными конечностями, выбежала самка стаха. Она оказалась совсем молодой. Ее тело не превышало размерами тело взрослого стора. Корона немигающих глаз обозревала окрестности. Хобот развернулся, и из него вырвался трубный звук. Протрубив, самка скрылась в кустах, и теперь Стик видел лишь поднятый вверх конец хвоста, увенчанный смертоносным шипом.

Охотник перевел дыхание и поблагодарил Создателей за то, что ветерок дул в его сторону. Иначе зверюга наверняка учуяла бы запах.

С той стороны, откуда выбежала самка стаха, снова приближался топот. Вот на поляну выбежал тоже некрупный, размером с молодую самку, самец и, не останавливаясь, проследовал за своей подругой. Тут же появился другой самец, еще более мелкий. Судя по всему, в этой семье лесных монстров одни только первородки. Значи с сторами будет легко с ними справиться или, в крайнем случае прогнать из окрестного леса. В хоботе последний стах нес упакованную в кокон крупную добычу. Вот передняя лапа чудовища провалилась в нору снарка и застряла в ней. Не успев остановиться, монстр завалился на правый бок, выронив кокон.

Еще как только появился последний стах, охотник понял по форме кокона, что тот несет замотанного в паутину стора. Нити были намотаны неплотно, вероятно в спешке, и кое-где проглядывало бирюзовое платье. Когда же кокон выпал и откатился ближе, Стик увидел жен-

ское лицо. Невероятно красивая сторанка смотрела в небо большими карими глазами. Расширенные зрачки говорили о том, что она получила изрядную дозу парализующего яда.

Освободив лапу, стах потянулся к жертве хоботом, наклонив голову и повернув к охотнику бледно-розовое пятно в центре короны.

Не осознавая, что делает, стор взмахнул верхней парой рук, и в центр короны полетели два охотничьих топорика. Мгновенно среагировавший монстр попытался защититься хоботом, вскинув его над головой и подставив его нижнюю не защищенную хитиновой чешуей сторону. Один топорик с чавкающим звуком вонзился в хобот, и из-под него брызнула желто-зеленая жижа. Второй, срикошетив, врубился в сочленение одной из ног, что заставило тварь слегка наклониться на бок, вновь подставив центр короны. Новый взмах рук стора, и два дротика пробили нежную мембрану, не успевшую затянута жестким хитином после недавней линьки.

Однако уже с торчащими из головы дротиками монстр снова поднялся, и из отверстия под хоботом в сторону охотника выстрелила серая нить, увенчанная липким сгустком. Стик не успел скрыться за деревом, и был сбит сильным ударом в бок. Тут же его дернуло и поволокло к стаху. Но в этот миг корона глаз монстра погасла. Нить, тянущая стора, ослабла. Сам стах остался стоять, переступая на месте всеми восемью ногами и безвольно опустив на траву хобот, с воткнутым в него топориком. Хвост же продолжал торчать вверх, поблескивая крупинками яда на жале.

Стик вскочил на ноги и, поспешно сняв ремень и заплочный чехол с дротиками, сбросил куртку. Он знал, что паутину стаха ножом не взять, а рубить топором не было времени. Да и оба топорика торчали в теле твари. Можно было попробовать выдернуть тот, что торчал в хоботе, благодаря которому монстр не протрубил зов о помощи своим родичам. Однако зверь хоть и считался убитым, но все же оставался на ногах, и неизвестно, как среагирует на прикосновение к хоботу смертоносный хвост.

Решив не трогать топорик, стор вынул из чехла оставшуюся пару дротиков и, подхватив легкое тело женщины, бросился прочь. Он понимал, что стахи, обнаружив убитого члена семьи, непременно отправятся по следу. А если они придут ночью в поселок, то в темноте смогут натворить немало бед. Поэтому охотник двинулся не домой, а к лесному озеру.

В прибрежных зарослях у Стика был привязан небольшой плот. На нем переплыл водоем, оборвав тем самым след, по которому пойдут восьминогие твари, и уже в сумерках отправился вдоль впадавшего в озеро ручья к поселку.

С наступлением ночи змеи, на которых охотились сторы, сами превращались в охотников и могли напасть из темноты. Из-за подобной перспективы Стик даже хотел провести ночь на плоту, посреди озера. Но, во-первых – девушку необходимо как можно быстрее доставить к целителю. Во-вторых – озеро небольшое и просматривается все. Стахи до утра обязательно появятся и увидят его. В воду они, конечно, не полезут, но и высадиться на берег возможности не будет.

В густом лесу темнота наступает быстро, но пока было хоть что-то видно, охотник бежал изо всех сил. Отбросив церемонии, он перебросил ношу через плечо – вряд ли в том состоянии, в котором девушка находилась, это могло доставить ей хоть какой-то дискомфорт. Зато так передвигаться стало гораздо удобнее. Оба оставшихся дротика держал наготове, хоть и понимал, что для схватки со змеем они малопригодны. Однако о застрявших в теле монстра топориках оставалось только сожалеть.

Похоже, компенсируя неудачную охоту, Создатели решили далее помогать Стику, и он благополучно добрался до селения, преодолевая последние метры лесной тропы уже в крошечной темноте.

Вместе с явившимся в дом Хаамом они аккуратно распутали стягивающие тело девушки нити. После чего целитель принялся за свое дело, а Стика отправил к собравшимся возле крыльца сторам, желающим узнать подробности о появившихся близ селения тварях.

На следующий день, как и предполагал Стик, стахов застали на берегу озера. Было их всего двое – самка и оставшийся самец. Сразу истыкали их дротиками так, что те стали похожи на гигантских боолов. Спасаясь от многочисленного противника, монстры унеслись в направлении логова.

Вчерашний, пораженный охотником стах продолжал переминаясь с ноги на ногу на том же самом месте. Осторожно подойдя сзади, Стик сильным ударом срубил все еще торчащий кверху хвост и сразу отскочил в сторону. Рухнув на траву, хвост принялся конвульсивно скручиваться и снова выпрямляться, словно пытаясь поразить кого-нибудь наудачу ядовитым шипом. Обойдя тварь, стор отрубил и часть хобота, в которой торчал топорик, и, выдернув его, направился к кричащим односельчанам, обнаружившим нору.

Каждый из охотников собрал и забросил в отвесно опускающийся лаз охапку сухих веток. После чего поселковый старшина откупорил бочонок с жидким пламенем и вылил туда же тягучую янтарную жидкость. Сторы отошли подальше от норы, и старшина швырнул в нее зажженный факел. Взметнувшееся из-под земли пламя сопровождалось гулким ревом. Охотники подняли топоры и дротики, словно ожидая, что стахи прорвутся сквозь огонь и вылезут наружу. Но рев стих. Пламя опустилось вниз и потрескивало там то ли сухими ветками, то ли хитином сгорающих заживо монстров.

Часть сельчан еще несколько раз подкармливали пламя новыми порциями сушняка. Остальные принялись разделявать оставшегося на поверхности стаха. У этой твари много всего ценного, начиная от выпускаемых ей прочных нитей и заканчивая особо ценным целителями ядом, выделяемым железой, находящейся внутри смертоносного шипа, которым и без всякого яда стах мог убить довольно крупное животное. Обо всех этих ценностях, погибших в норе, как и о сгоревших там же дротиках, оставалось только сожалеть. Но спускаться в логово монстров желающих еще ни разу не находилось. Обнаруженную нору обычно поджигали даже тогда, когда не было уверенности, что в ней кто-то есть. А после того, как она тщательно выгорала, засыпали грунтом и камнями. Так поступили и на этот раз.

В поселок вернулись далеко за полдень.

Подойдя к дому, Стик встретил околачивающегося возле крыльца толстого Гоата. Тот сразу же пристал к нему с предложением купить всю нить, которую сняли со спасенной. Отмахнувшись от назойливого торгаша, охотник прошел в дом.

Девушка лежала на его ложе и, казалось, мирно спала. Сидевший у ее изголовья Хаам поднялся и, поманив хозяина дома жестом, вышел в соседнюю комнату. Он поведал, что сделал все возможное, чтобы вывести яд из ее организма, и дальнейшая судьба спасенной полностью находится в руках Создателей. После чего предложил поговорить со старшиной, чтобы девушку забрали из дома Стика – дабы не обременять живущего в одиночестве охотника. Стик ответил, что если не справится с уходом за больной, то сам обратится к старшине. На прощание он вручил целителю лист кувшинного дерева, на который специально для него соскреб пару капель яда с шипа стаха. Обрадовавшись неожиданному дару, Хаам принял его трясущимися от волнения руками и, пообещав навестить завтра утром, поспешно удалился.

Четверо суток спасенная лежала абсолютно неподвижно. Лишь еле заметно вздымающаяся при дыхании грудь говорила о том, что девушка жива. Стик часами сидел у ложа, глядя на незнакомку. Судя по нежным чертам лица и такой же нежной коже на руках, девушка была не из простых сторов. Дорогие ткани одежды тоже говорили об этом же. Например в селении Стика женщины могли позволить себе лишь одежду из змеиной шкуры. Даже у жены старшины, рыжей Фиики, было всего одно платье из ткани, которое та одевала раз в год на День Сотворения Мира. В общем, все говорило о том, что спасенная девушка принадлежит если не к знатному роду, то к довольно богатому сословию.

Как же она попала в их глухие края?

После того, как спасенная очнулась, она довольно быстро встала на ноги. Однако, при том что все понимала, сама говорить отказывалась. А может, и до этого случая была немой. На вопрос об имени показала Стику маленькую фигурку Создательницы Наты, висевшую на золотой нитке на груди. Кроме имени ничего больше узнать не удалось. Когда стор пытался хоть что-то выведать у Наты, взгляд той становился вдруг каким-то отрешенным, словно девушка пыталась отгородиться от чего-то очень неприятного. В такие моменты охотнику казалось, что ей гораздо больше лет, чем представлялось до этого.

Оправившись от болезни, девушка принялась помогать Стику по хозяйству. Несмотря на непривычно хрупкую для сельских жителей фигурку, она могла целый день прибирать в доме, наводить порядок во дворе, готовить еду. Было заметно, что особой сноровки в этих делах у девушки нет, но в то же время, довольное личико говорило о том, что эти хлопоты доставляли ей удовольствие. Стику теперь не было необходимости постоянно находиться дома, и он снова начал ходить на охоту.

Так прошло пять седмиц. Сельчане уже начали шушукаться за спиной охотника. Женщины хихикали, прикрыв рот всеми четырьмя ладонями и указывая друг другу глазами на проходящего мимо Стика. Старшина, судя по всему, был недоволен и давно бы уже призвал стора к порядку, если бы сам знал выход из сложившейся ситуации. А именно, если бы знал, куда определить прижившуюся у Стика немую девушку. Желающих взять ее к себе во всем селении не было. Впрочем, наверняка кто-нибудь из сторов и согласился бы принять под свой кров несчастную красотку, однако, благодаря суровому нраву сельчанок, никто из них не посмел бы об этом даже заикнуться.

Стика самого начинало тяготить сложившееся положение, и однажды, вернувшись после неудачной охоты, он объяснил ситуацию Нате и предложил проводить ее в те края, где живут ее родичи, как бы далеко они не находились.

Увидев, как после его слов девушка снова будто бы впала в ступор, стор посетовал на себя за бесцеремонное обращение с гостьей и вышел на крыльцо. Он долго сидел там, прислонившись к стене дома и глядя на усыпанное звездами небо, безрезультатно пытаясь придумать выход из сложившейся ситуации. Постепенно на него начала наваливаться дрема, и он уснул, убаюкиваемый кваканьем мохнатых ночных чиков.

Проснулся Стик от того, что кто-то требовательно тряс его за плечо. Перед ним стояла Ната и жестом звала его в дом. В конце концов, ухватив двумя правыми ладошками за указательные пальцы правых же рук стора, девушка буквально втащила его в комнату, где после появления гостя спал хозяин. Затем скинула с себя всю одежду и забралась в его постель, прикрывшись змеиной шкурой и выжидательно глядя на него. Ошарашенный охотник еще какое-то время неподвижным изваянием стоял посреди комнаты...

На следующий день Стик вышел из дома, когда светило уже проделало почти половину пути по небесному своду. Окликнув играющих у околицы детишек, попросил их разыскать и пригласить в его дом целителя Хаама и поселкового старшину Дооба.

Когда явились приглашенные, хозяин дома и гостья встали перед ними и попросили засвидетельствовать их союз перед Создателями. Говорил, естественно, только Стик. Ната лишь утвердительно кивала, крепко держась за его предплечье, будто боясь, что у нее могут забрать любимого.

Теперь Ната жила в доме охотника на правах хозяйки, и все ненужные пересуды, к радости старшины, смолкли. Однако через год сельчанки вновь зашушукались, обсуждая то бесплодность немой девушки, то мужскую неполноценность Стика. Охотника и самого тяготило отсутствие в доме детей. Когда в его жизни появилась женщина, в нем вновь возродились угасшие было мечты о полноценной семье с маленькими детишками, из которых он воспитает достойных продолжателей рода. Но прошел год, а Ната так и не понесла. Пересилив стеснение,

охотник даже обратился к Хааму. Тот, обследовав обоих, только пожал плечами, сославшись на волю Создателей.

Прошел еще один год, заставивший окончательно угаснуть надежду. Несмотря на это, Стик продолжал испытывать к Нате самые глубокие и нежные чувства, и девушка отвечала ему тем же.

И, наконец, благодать Создателей снизошла на них.

Удача в тот день сопутствовала стору с самого утра. Совсем недалеко от селения ему удалось убить довольно крупного змея. Разделав и сдав мясо и шкуру в лавку толстого Гоата, Стик раньше обычного вернулся домой. Там его встретила необычайно веселая супруга. Лицо ее буквально лучилось светлой радостью.

Подойдя к мужу, она прижалась к нему спиной, взяла его ладони и прислонила к своему животу. После чего подняла кверху счастливое личико, вопросительно глядя ему в глаза, мол, все ли он понял?

Радости стора не было предела. Она буквально разрывала его. Казалось, бешено бьющееся сердце вот-вот выскочит из груди и, воспарив над миром, превратится в самую яркую звезду на небосводе, делящую радость счастливого Стика со всеми, взглянувшими на нее.

Когда, спустя еще год, Ната родила сына, счастливый отец отправился на Священный Остров и привез семя зуха. На коже семени было написано имя «Леег».

Прошло пятнадцать лет, и из посаженного семени вырос огромный плод. Пока внутренняя мякоть плода не затвердела, молодому стору предстояло вырубить в нем собственный дом и отвезти извлеченное изнутри семя обратно на Священный Остров.

Стик хорошо обучил сына владеть топорами, как и любым другим оружием. В селении никто из сверстников Леега не мог так ловко метать топоры и дротики сразу из четырех рук, отправляя каждый снаряд в центр отдельной мишени. Да и среди взрослых таким искусством владел только Стик, некогда оттачивавший его в многолетних военных походах.

Теперь, обняв любимую супругу, отец с гордостью наблюдал как ловко, в четыре руки, отпрыск вырубает дверной проем своего будущего жилища.

Ровно через седмицу весь поселок собрался посмотреть на небывалое чудо – Леег достал из центра своего зуха сразу два семени. Никто ранее даже не слышал о таком. Старый Вуул поведал, что очень давно был случай, когда из одного семени выросли два сросшихся плода. Но чтобы в одном зухе находили два семени, такого не помнил даже он.

Рыжая Фиика вдруг предположила, что это какой-то нехороший знак. Старшина тут же велел ей замолчать, обозвав глупой самкой чика.

Хаам, пресекая пересуды и беспочвенные предположения, заявил, что жрецы Священного Острова наверняка объяснят этот феномен. Однако он уверен, что никакой беды рождение двух семян предрекать не может. Скорее наоборот. Вот если бы в плоде не оказалось ни одного семени...

Светило уже наполовину скрылось под кронами деревьев. Они сидели на крыльце, обнявшись и глядя на возвышающийся невдалеке дом уже взрослого сына, мечтали о том, что пройдет совсем немного времени и в этом доме зазвучат звонкие детские голоса. Стик говорил Нате, как он будет баловать внучат, приносить им из леса сладкие плоды, как сделает им деревянные топоры, чтобы те привыкали чувствовать себя воинами. Ната время от времени прикрывала его рот ладошкой и жестами выражала предположение, что у них могут появиться не внуки, а внучки, и тогда она научит их, как правильно держать в узде грубых мужчин, вроде ее любимого Стика.

В это время на опушку окружающего поселок леса вышли несколько человек. Двое из них несли носилки. Присмотревшись, супруги узнали в путниках ровесников Леега, отправив-

шихся вместе с ним на Священный Остров. Но почему они вернулись так рано? И почему с ними нет их сына? И кого молодые сторы несут на носилках?

Еще мгновение назад счастливое лицо Наты исказила маска отчаяния. Она, вырвавшись из объятий мужа, бросилась навстречу приближающейся группе.

Теперь Леег лежал на том же ложе, на котором более восемнадцати лет назад лежала парализованная ядом стаха его мать. Над ним так же колдовал Хаам. Ната сидела рядом и, прикрыв рот ладонями, смотрела на неподвижного сына полными слез глазами.

Стик стоял на крыльце и смотрел застывшим взглядом куда-то поверх деревьев, в сторону уже скрывшегося за ними светила.

Собравшиеся возле дома охотника селяне слушали рассказ вернувшихся молодых сторов о том, как по прибытии на Остров, прыгнувшего с лодки в воду Леега, атаковал маленький водяной стах. Эти мелкие твари обычно не нападают на людей, но, вероятно, прыгнувший в воду юноша придавил одну из конечностей сидевшего там стаха, и тот ударил стора в бедро своим шипастым хвостом. Выдернув шип из ноги, Леег за хвост извлек тварь из-под воды и, размахнувшись, разможил ее о высокий борт лодки.

Однако яд уже начал действовать, и у юноши хватило сил только дойти до берега.

Узнав о печальной участи юноши, привезшего два семени из одного плода, жрецы объявили, что этот молодой стор выбран Создателями, и никто не вправе вмешиваться в их промысел. Почитавшие Создателей, но привыкшие не ждать от них благодати, а во всем полагаться только на себя и верных товарищей, друзья Леега меж собой посетовали на жрецов за то, что те даже не сделали попытки излечить их друга. Посовещавшись, они решили отправиться домой сразу после того, как жрецы примут привезенные ими семена, а не оставаться, как было принято, на седмицу празднования совершеннолетия. Благодаря этому решению Леег был еще жив, когда его доставили в родное селение.

И вот теперь Хаам сказал, что его сын умирает, и ничто, кроме воли Создателей, не сможет ему помочь.

Стик поднялся и принялся вырубать в поваленном стволе ложе, в котором его сын отправится в свой последний путь.

Эх, если бы только он мог отправиться туда вместо Леега. Он бы высказал Создателям все, что накопилось на душе. И пусть бы после этого его обрекли на вечное небытие. Лучше небытие, чем та боль, которая заполняет душу – боль за умирающего сына, боль за в одночасье постаревшую Нату.

Леер

Возможно Создатели, да и Странники тоже – потомки некой цивилизации, не справившейся с собственным величием и буквально утонувшей в нем. Потому-то и миры, созданные ими, похожи. По крайней мере, мир, в который я попал, принципиально не отличался от моего родного.

Возникший передо мной мир – планета, размерами примерно равная Земле. Вот только вода здесь в явном дефиците. Два океана, равные по площади Северному Ледовитому, находились на полюсах. В отличие от земного аналога, они были совершенно свободны ото льдов. Судя по всему, климат здесь гораздо теплее.

Океаны обрамляла широкая зеленая полоса. Опять же, если сравнивать с Землей, то зеленая полоса граничила со сплошным кольцом гор примерно в том районе, где у нас начинаются субтропики. За горной грядой находилась пустыня. Пустыня опоясывала этот мир сплошным серым поясом.

Я опустилсЯ ниже, чтобы лучше рассмотреть этот удивительно симметричный мир. Вопреки моим ожиданиям при приближении в пустыне не обнаружилось ни одного зеленого оазиса. Интересно, какая температура на экваторе, если ни на полюсах, ни на вершинах довольно высоких гор не было даже признаков льда или снега?

Я опустилсЯ ниже, и теперь все обозримое пространство занимал угнетающе безжизненный серый песок. Начала ощущаться непонятная слабость. Прислушавшись к себе, понял, что встреча с создателями предыдущего мира не прошла даром. Та часть меня, что досталась от симбиоза с паразитом, истощена почти до предела. Вот не догадался же я заново хапнуть халявной энергии, прежде чем сбежать от вампиров. Ну, да не до того было. Радовался и тому, что вообще жив остался. Бр-р-р, страху-то натерпелся.

Однако в душу закрались подозрения, что человеческая составляющая моей сущности существует вне тела лишь благодаря той части, которой вольно или невольно поделился странник. Как только она истощится окончательно – мне конец. А эти серые пески все высасывали и высасывали из меня энергию подобно тем создателям, что хотели меня поглотить.

Спасение могло быть во вселении в физическую оболочку. В любую. Как можно быстрее!

Поняв, что в этом пекле никого не найти, я двинулся к северу. К северу, вероятно потому, что непроизвольно провел аналогию с родным миром, двигаясь, вроде бы как, к родным краям.

Меж тем ослаб уже настолько, что не осталось сил подняться ввысь. Я кое-как перемещался словно в междумирье – цеплялся за линию горизонта и подтягивался к ней.

Когда передо мной возникли горы, мир воспринимался уже будто сквозь мутную завесу. Краем сознания отметил какие-то паукообразные силуэты, снующие по пустыне вблизи горной гряды. Мелькнула мысль о том, что это могут быть представители местной разумной жизни. Однако от попытки вселиться в одного из них я сразу отказался – слишком уж чужда мне подобная оболочка.

Подтянувшись к ближайшей вершине, увидел впереди еще более высокие горы. Но из-за них повеяло чем-то положительным, сравнимым в физических ощущениях с приятной прохладой. Собрав последние силы, я заставил горы провалиться вниз, тем самым вознося себя над ними. Впереди появилась серо-зеленая степь. Еще севернее – небольшие пятна лесов. И наконец, сплошная масса то ли тайги, то ли джунглей. Заметил несколько пятен, иссеченных правильными линиями – так выглядят города с большой высоты. Кто же их заселяет? Неужели те паукообразные твари?

Я продолжал подниматься, пока хватало сил. Лишь узрев голубую полосу воды на заметно округлившемся горизонте и ощутив исходящую оттуда свежесть, зацепился за нее и

устремился вниз, стараясь подтянуться как можно ближе к северному океану. Меня тянуло пришедшее неведомо откуда осознание, что в том направлении находится нечто, способное восполнить мои силы.

Последние силы оставили, когда до спасительного нечего осталось совсем близко. Я просто потерял способность ощущать мир на расстоянии большем, чем может узреть обычный человек. Попытался осознать себя, как сделал это в миг отчаяния, сопротивляясь семерке вампиров, но ничего не получилось. Вероятно, все сверхчеловеческое в моей сущности окончательно закончилось. Долго ли продержится человеческое?

Появилось смутное ощущение присутствия оболочек. Я сходу попытался зацепиться за одну из них, но получил мощный отпор. Попытка вселиться в другое тело закончилась с тем же результатом. Значит, без потерянных возможностей я стал всего лишь привидением, человеческой душой, отделенной от тела. Скорее всего, такое состояние нестабильно, и я должен вот-вот окончательно раствориться в окружающем мире. С тоской подумал о приятном междумирье, не кажущемся теперь жутким. Пусть там не было абсолютно ничего, зато никто и ничто не высасывало тебя, словно сладкое желе из креманки, норовя слизнуть даже последнюю каплю.

В очередной попытке я без всякой надежды прикоснулся к еще одной оболочке и обнаружил ее совершенно пустой. Будто кто-то специально освободил ее для меня. Опешив от такого везения, завис над ней, не веря в спасение.

Вдруг, это какая-то ловушка?

Да кому я тут нужен, чтобы меня ловить?!

Поспешно нырнув в свободное тело, я с невероятным облегчением разместил в нем собственную сущность.

Мир наполнился звуками и запахами. Я ощутил, что лежу на чем-то мягком. Мои глаза оставались закрыты. В теле присутствовало ощущение слабости, как после долгой болезни.

Занятая оболочка по ощущениям почти соответствовала привычным людским, однако было в ней как будто что-то лишнее.

– Ты должен спешить, Стик, – услышал я густой бас над собой. – Твоему сыну возможно еще до заката понадобится похоронная капсула.

Несмотря на ускользающий окончательный смысл сказанного, незнакомая речь была мне понятна. Хотя язык не напоминал ни один из земных. Разве что, из-за обилия звуков «жю», он отдаленно походил на французский.

Я попытался открыть глаза, но из-за невероятной слабости не смог этого сделать, а попытка лишь привела к провалу моего сознания в вязкое небытие.

Проснулся я от того, что рядом кто-то рыдал. Ощущение болезненной слабости почти прошло. На этот раз удалось легко открыть глаза.

Рядом сидела женщина и горько плакала, уткнувшись лицом в ладони. Ясно, что я являлся причиной ее расстройства. Вернее, оболочка, в которую меня занесло. А еще вернее, тот, кто так вовремя покинул брэнное тело, позволив мне спастись от верной гибели.

Так это что получается – я вселился в труп? Не в гробу ли лежу? Слегка приподнял голову, оглядывая свое ложе – широкая кровать с деревянными спинками ничуть не напоминала гроб. К тому же подо мной было что-то мягкое, наверняка матрас или перина. Сверху меня укрывала чем-то похожим на звериную шкуру с непривычно зеленой окраской короткой шерсти.

Вспомнились слова человека, услышанные сразу после вселения в это тело. Он говорил какому-то Стику, что его сыну вскоре должна понадобится похоронная капсула. Все ясно – я вселился в пока еще не труп, но в уже конкретного претендента на захоронение. Иначе, зачем бы мне мог понадобиться гроб, именуемый здесь капсулой? Или разговор был не обо мне? Да нет, судя по тем болезненным ощущениям, которые испытывал при вселении, а так же

по рыдающей у изголовья женщине, хоронить собирались именно меня. Возможно, я и занял оболочку в тот момент, когда сущность прежнего хозяина отлетела, как говорится, в мир иной.

Ну что ж, придется обломать любителей погулять на похоронах. По крайней мере, я очень постараюсь это сделать.

Тихо кашлянул, чтобы привлечь внимание плачущей женщины. Она убрала от лица ладошки, и я увидел хоть и заплаканное, но все равно приятное лицо с довольно правильными, я бы даже сказал, отдающими некой аристократичностью чертами.

Перестав плакать, женщина несколько секунд неподвижно смотрела на меня большими карими глазами. Кто она мне? Мать или сестра?

Хотелось сказать что-нибудь успокаивающее, но в голову ничего не приходило, и я просто улыбнулся. Моя улыбка вывела ее из оцепенения. Радостно улыбнувшись в ответ, она потянулась ко мне руками...

Четырьмя руками!

Я непроизвольно отстранился от нее, сбросив с себя шкуру и пытаюсь заслониться тоже четырьмя руками...

Вот ни хрена себе попал! Что еще за племя людей-пауков? Опустив взгляд на ноги, увидел, что хоть их всего две, как у нормального человека.

А женщина смотрела с явным непониманием моего испуга. Пришлось смущенно улыбнуться.

Ко мне снова потянулись четыре руки. Одной ладонью женщина ласково погладила по щеке. Другими нежно сжала мои ладони. Мне приятны ее прикосновения.

– Леег, как ты себя чувствуешь? – прозвучал ее вопрос прямо в моей голове.

Похоже, я попал к телепатам. Но вроде бы тот мужик говорил реальным голосом. Ведь на телепатическом уровне тембр не различается, а я слышал явный бас. Или это только показалось?

Леег, надо полагать, мое имя. Мне даже показалось, что прозвучало – Олег. Ну что ж, такое созвучие даже к лучшему – не надо будет долго привыкать к новому имени.

– Мне значительно лучше, – неожиданно для самого себя я ответил вслух, с удивлением обнаружив, что прекрасно не только понимаю язык этого мира, но и могу говорить на нем. – Только голова слегка кружится и очень хочется спать.

Последнее добавил, решив несколько отсрочить общение и притвориться спящим. Возможно, подойдет еще кто-нибудь, и из их общения с женщиной удастся узнать мой статус в этом доме. Пока ясно только, что я сын некоего Стика, который сейчас, вероятно, занят приготовлением похоронной капсулы.

– Отдыхай, сынок, – снова прозвучало в моей голове. Женщина заботливо накрыла меня шкурой и добавила: – Тебе необходимо восстанавливать силы. А я пока позову Хаама.

Стало ясно, что это моя мать. Заодно прояснилось, что она прекрасно понимает обычную речь. Почему же тогда сама не говорит вслух? Или все же и меня она не слышит, а лишь читает мои мысли? Ладно, постепенно разберемся.

Из-под слегка приоткрытых век я видел, как женщина поднялась, и некоторое время стояла надо мной, потом бесшумно вышла из помещения.

Приподняв голову, я осмотрелся. Мое ложе находилось у глухой стены довольно просторной комнаты. Сразу бросились в глаза закругленные примерно с полуметровым радиусом углы. Причина таких закруглений мне виделась только одна – монолит, залитый в своеобразную опалубку. Кроме той двери в противоположной стене, в которую вышла женщина, слева еще одна дверь. На стене справа небольшое окошко. Вернее, просто оконный проем без рам, заделанный то ли мутным стеклом, то ли какой-то пленкой.

С мебелью в комнате бедновато. По периметру прямо из стены выступала неширокая полка, уставленная всякой утварью, типа глиняных с виду горшков, плошек и ковшиков. Там

же лежали подушки из такой же зеленой шкуры, что накрывали меня, вероятно предназначенные для того, чтобы на них сидеть.

Рядом с кроватью стояли два стула с высокими спинками и небольшой, типа журнального, столик. Вот и вся мебель. Не было никакого подобия платяных шкафов или комодов. Пол застилала все та же зеленая шкура. Она же висела в качестве ковра на глухой стене.

Слегка отстранившись от стены, рассмотрел предметы, висящее на ней. Их я сразу определил как оружие. Предназначение надетых на длинные тонкие рукоятки металлических шаров мне было не известно, но вряд ли кто-то в любом мире стал бы вешать на стену какие-либо другие предметы, кроме оружия. Да и полукруглые лезвия двух топоров явно не предназначались для рубки дров. А четыре маленьких топорика на длинных рукоятках напомнили виденные некогда в фильмах индейские томагавки.

Снова перевел взгляд на большие топоры, затем посмотрел на свои руки – неужели я способен рубить сразу двумя такими огромными топорами... Монстр, блин. Жертва радиации. Судя по рыдавшей надо мной женщине, я такой не единственный. Надо будет узнать потом – не взрывалась ли здесь поблизости какая-нибудь АЭС?

Внимательно осмотрел новое тело. Кроме лишней пары рук все остальное вполне соответствовало земным стандартам. Даже весьма высоким стандартам, судя по атлетическому сложению.

Заметил еще одно, правыми и левыми конечностями я двигал синхронно. Сперва, одновременно двумя правыми руками откинул край шкуры, чтобы осмотреть свое тело. Затем, одновременно двумя левыми оперся о ложе, чтобы подняться. А вот женщина, я это точно помнил, двигала каждой рукой независимо друг от друга. Попробовал развести правые руки в стороны. Ощущение было такое, будто попытался расщепить одну руку. Вспомнился опыт владения одновременно двумя оболочками, и я попытался действовать по тому же принципу. Не задумываясь о том, как я буду это делать, просто оперся верхней правой о спинку стула и, поднимаясь с кровати, подхватил верхней левой подушку. Одновременно нижней парой подтянул некое подобие подштанников, обтягивающих мои ноги и бедра, словно колготки балерины (или как там называются эти балетные плясуны?)

Ладно, скажем так, принцип действия четырьмя конечностями оказался понятен. Теперь надо было разобраться с окружающей обстановкой. Для начала хотелось бы найти что-нибудь из одежды. Не ходить же в этих стремных лосинах. Кстати, непонятно из чего они сшиты – нечто типа тончайшей, почти прозрачной светлой кожи. Однако ничего из предметов одежды я нигде не заметил.

Лишь отойдя к противоположной стене и бросив взгляд на кровать, обратил внимание на два короба, находившиеся под ней. Подошел и, отставив стулья, выдвинул сразу оба. Каждый из коробов оказался разделен на две части. Сами они как будто вырезаны из единого куска дерева, или же отлиты из какого-то материала, очень напоминающего древесину.

Одно из отделений левого короба заполняли различные кожаные ремни, напоминавшие то ли португею, то ли еще какую-то сбрую. Отложив эти непонятные изделия, я достал из соседнего отделения нечто напоминающее женские сапоги-чулки на толстой кожаной подошве. Кожа на самом чулке с тем же зеленым мехом, повернутым внутрь. Прикинул подошву к ступне – размер явно мой. Перебрал содержимое в поисках какой-нибудь короткой обуви, но нашел только сапоги из более тонкой кожи без меха.

Из следующего короба я достал коротенькие штанишки, наподобие бриджей, пошитые все из той же шкуры с зеленым мехом. Из нее же курточка-безрукавка и длинный плащ-накидка. Что за странное зеленообразие? Ладно, с этим тоже разберемся, как говорится, по ходу пьесы.

Удивляло отсутствие одежды с рукавами. Хотелось бы посмотреть, как выглядит рубашка для четырехруких мутантов. Что-то не припоминалось, как была одета женщина, слишком уж

поражен был в тот момент ее, да и своей, многорукостью. Помнил только длинное, до пят платье.

Кстати, как вести себя с ней? Ведь, судя по всему, она моя мать. И что вообще случилось с ее сыном? Вроде бы никаких смертельных ран на теле не имелось. Да и вообще никаких ран не имелось. Разве что на правом бедре чесался какой-то крупный прыщ, но не думаю, что он смертельно опасен. Короче, выход был один – банальная амнезия. Вполне логично, кстати, после болезни, чуть не окончившейся фатально.

Несколько секунд раздумывал – стоит ли одеться, или забраться обратно в кровать и, когда кто-нибудь придет, прикинуться спящим. Однако любопытство взяло верх, потому я натянул коротенькие штанишки и направился к одной из дверей. Собственно, двери как таковой не было, был лишь дверной проем, закрытый занавесом из светло-бежевой кожи, сходной по цвету со стенами и потолком.

По широкой кровати, находящейся в соседней комнате, понял, что это спальня родителей. Теперь моих родителей. Обстановка в их комнате не богаче. Разве что различного оружия на стенах гораздо больше. Да и прочих вещей, разложенных по окаймляющей комнату лавке, тоже.

Странник

После гибели Олега я неопределенно долгое время находился в прострации. Инстинктивно оттолкнувшись от агрессивного зарождающегося мира, поглотившего сущность друга, какое-то время в панике удалялся от него, пока с ужасом не ощутил обрушившееся одиночество.

Я всегда был один. Я целую вечность был один. Я избегал встреч с другими сущностями, ибо они, как правило, были врагами, стремящимися поглотить меня. Населяющими миры оболочками пользовался как игрушками, воплощая с их помощью свои фантазии.

Естественно, убегая от Создателей, покидал миры с сожалением, но никогда не сожалел о расставании, с какой-либо оболочкой.

После встречи с Олегом мои понятия о мироустройстве изменились коренным образом. Я так и не смог понять, кем был этот землянин. Иногда даже мелькала мысль, что он являлся одним из земных создателей. А я по какой-то нелепой случайности ворвался в занятую им оболочку. После чего создатель попросту играл со мной, как кошка с мышонком. Такое предположение могло бы многое объяснить, но... Ни один создатель не способен покинуть свой мир, и, тем более, так глупо погибнуть. Но теперь этого уже не узнать и надо привыкать к мысли, что я вновь стал одиноким странником, не желанным ни в одном из миров.

Однако, познав радость общения с равным себе, я не хотел вновь обрекать себя на вечное одиночество. Потому решил найти обратный путь к земному миру, тихонечко, дабы не попасть в поле восприятия создателей, проникнуть в него и попытаться отыскать оболочку, смертная сущность которой воспримет меня так же, как воспринял Олег. Решение это было вызвано новым предположением, что необычностью своей сущности Олег обязан симбиозу со мной. Странно, что такое явное предположение не пришло на ум раньше.

До сих пор мне приходилось только убегать из миров, и ни разу не возникало мысли о возвращении. Однако думаю, что для возвращения необходимо произвести действие обратное тому, которое делается, покидая мир.

Но, отталкиваясь от мира, я ощущаю его. Соответственно, чтобы приблизиться к нему, мне необходимо так же его ощутить. Как это сделать? Попробовать вернуться к миру, где погиб Олег? Собственно, чего мне бояться? Пока я не нарушу границ создаваемого мира, создатели не смогут меня заметить. А если бы и смогли, какое им дело до неизвестной сущности, бродящей за пределами их пространства?

Как ни странно, но молодой мир мне удалось отыскать довольно быстро. Почувствовав нечто почти на грани ощущений, двинулся к нему и вскоре понял, что не ошибся.

Что дальше? Как определить направление там, где нет никаких направлений, где отсутствует само понятие направления?

Я попытался уловить присутствие другого мира, но тот, рядом с которым находился, буквально заглушал все остальные ощущения. Пришлось отдалиться настолько, чтобы не потерять его, но и чтобы он был еле «слышен». Для этого пришлось двигаться по спирали. Наконец, уловил нечто знакомое. Нет, это не ощущение мира. Это, скорее всего, ощущение какого-то подобия следа. Раньше неоднократно натыкался на подобные «следы», но всегда спешил пересечь их, не задумываясь о сути этого явления. И вот сейчас почуял что-то знакомое. Неужели это наш след, оставленный по пути сюда? Ну что ж, сейчас проверю.

Впервые я передвигался в пустоте подобным образом – не создавая точку и отталкиваясь от нее, а, словно бы, двигаясь по тропе. А от тропы веяло сущностью Олега, что укрепляло мою уверенность в том, что двигаюсь в нужном направлении.

И вот появилось ощущение мира. Я устремился к нему со всей скоростью, которую могу вообразить, не задумываясь о том, что здесь нет таких понятий, как скорость и расстояние.

Но что это? Когда обнаруженный мир заполнил собой все находящееся передо мной пространство, я понял, что это не Земля. Но ведь я явно ощущал след сущности Олега... Вероятно, это тот мир, который я не заметил, а он пропустил по незнанию и рассказал о нем только тогда, когда заметил тот другой, оказавшийся для него роковым.

Стоит ли продолжить поиски Земли, или попытаться устроиться в этом. Во всяком случае, стоит заглянуть внутрь. Хотя бы для отдыха.

Проникнув в мир, я стремглав бросился вниз, максимально ограничив способность ощущать окружающую среду. Чем больший участок смогу охватить своими чувствами, тем больше шансов у здешних Создателей обнаружить меня. Хоть этот мир не менее стар, чем Земля, но все же, может статься, хоть один из его хозяев бодрствует. Поэтому вслепую плюхнулся почти к самой поверхности и только здесь начал осторожно осматриваться.

Вокруг простиралась выжженная солнцем равнина, поросшая пожелтевшей от зноя травой. Подобная картина наблюдалась во все стороны до самого горизонта, и лишь на юге виднелась горная гряда.

Поборов желание подняться выше, чтобы осмотреться, я двинулся к северу, рассудив, что в более прохладном климате наверняка встречу аборигенов, играющих роль оболочек для местных Создателей.

Вскоре подо мной оказались руины древнего города. Большинство строений разрушены до основания. Будь здесь более благоприятный для растительности климат, остатки бывших зданий давно превратились бы в поросшие зеленью холмики.

Приблизившись к северной окраине древнего города, я заметил движение. В руинах металась оболочка земного типа, только с двумя парами рук. Хоть после недавно покинутого мира подобное телосложение и казалось непривычным, но прежде случалось бывать в мирах, где оболочки обладали шестью верхними конечностями.

Осмотрев развалины внимательнее, я заметил двух гигантских пауков, обходящих аборигена с разных сторон, неумолимо загоняя того в тупик.

Тела у монстров вытянуты, как у земных скорпионов. Однако отсутствовали клешни, и задранные кверху хвосты вовсе не скорпионьи, а скорее напоминали крысиные. Да и лапы несколько длиннее скорпионьих.

Интересно, пауки являются представителями местной фауны или разновидностью оболочек?

Снова осторожно ощупав ближайшее пространство, чтобы убедиться в отсутствии местных хозяев, я прикоснулся к наиболее крупному монстру.

Неудача. Монстр оказался обычным зверем, не подходящим для вселения сущности. Его примитивная сущность тут же сгорела от моего прикосновения. Тело продолжило бессознательно метаться, натыкаясь на стены и издавая пронзительные высокие звуки. Откуда-то из-под головы паука развернулся хобот, поднялся кверху и бессильно опал на землю, да так и остался таскаться по ней, путаясь между лап.

Собрат монстра, услышав визг, бросил преследование аборигена и побежал на звуки, перемахивая через груды развалин.

Я тем временем приблизился к оболочке. Это особь мужского пола. На ногах мешковатые штаны зеленовато-грязного цвета – то ли зеленым цвет был изначально, то ли абориген просто извозился в чем-то, наподобие свежей сочной травы, которой поблизости не наблюдается. Смуглый мускулистый торс, затянутый в португую из толстой зеленоватой кожи, буквально испещрен шрамами. На спине колчан, из которого торчал одинокий дротик. В каждой руке оружие, напоминающее булаву – металлический шар, диаметром сантиметров десять, надетый на длинную деревянную рукоять. Через абсолютно лысую, возможно гладковыбритую, почти

дочерна загоревшую голову тоже проходил неприятного вида рваный шрам, будто по макушке дернули острым когтем.

В глазах аборигена плескалась паника. Свернув в очередной поворот, он оказался перед высокой стеной, преграждающей дальнейшую дорогу. Остановившись перед препятствием и прислушавшись к все еще раздающемуся визгу, бедолага бросился взбираться на крутую гору обломков обрушенной стены справа. Две булавы он вставил в петли на портупее, так как приходилось цепляться руками за обломки. Вот он взобрался на самый верх и осмотрелся. Тут же в ужасе отскочил, увидев преследующих его монстров.

Лишенный сущности паук продолжал слепо тыкаться в развалины. Но его собрат заметил оказавшегося на груде обломков аборигена и немедленно плюнул в него каким-то серебристым густком с тянущейся за ним такой же серебристо-серой нитью.

Четверорукого спасло то, что, испуганно отпрянув, он не глядя ступил на шаткую глыбу и с криком сорвался вниз. В следующее мгновение серебристый густок с мокрым шлепком впечатался в кусок торчащей из обломков стены в том месте, где только что стоял абориген. Тот уже скатился кубарем вниз и, несмотря на многочисленные кровоточащие ссадины, шустро нырнул в узкий проход между очередных развалин.

Промахнувшийся монстр недовольно запищал и начал пятиться задом, натягивая выпущенную нить. Я решил, что таким образом он пытается оторвать прилипший густок, но вот, натянув нить до нужного предела, паук высоко подскочил и, вбирая ее в себя, мгновенно перенесся на вершину развалин. Всосав в себя густок, он бросился по следу аборигена.

Довольно долго жертве удавалось уходить от грозного охотника, потерявшего, благодаря моему случайному вмешательству, напарника. И все же паук на своих восьми конечностях передвигался гораздо быстрее, и у преследуемого не было шансов. Вот очередной плевок серебристым густком, попав в колчан, сбил аборигена с ног. Растеряв булавы тот надрывно хрипя и извиваясь всем телом, пытался хвататься за попадающиеся под руки обломки, но все они оказывались слишком мелкими, и паук, стоя на месте и вбирая в себя нить, неумолимо подтаскивал жертву к себе. Крысиный хвост изогнулся, направляя увенчивающий его острый шип в сторону пойманной дичи.

Леег. Знакомство с новым миром

Я услышал приближающиеся голоса и вернулся в свою комнату. Не успел дойти до кровати, как занавес в проеме противоположной стены откинулся, и в помещение, пригнувшись, вошел высокий худой человек с остроносым лицом и седыми до плеч волосами. Его несоразмерно крупные глаза с удивлением смотрели на меня.

Следом зашла женщина. Увидев меня, стоящего перед кроватью, она прикрыла рот верхней парой ладошек, и я отчетливо услышал ее мысленный вопрос:

– Леег, ты уже встал?

Нет, блин. Я все еще лежу, но стоя. Черт, если она передает мне мысли, значит, вероятно, может слышать мои. Надо бы быть вежливее в мыслях. А то обижу ненароком. Мысль она, как говорится, не воробей. Вылетит – фиг догонишь.

Мужчина, продолжая стоять у входа, сложил верхнюю пару рук на груди, вторую сцепил за спиной. Удивление во взгляде прошло, и теперь он просто оценивающе осматривал меня.

Интересно, кто это такой? Отец? Вряд ли. Женщина говорила, что позовет какого-то Хама. Вряд ли она так стала бы называть моего отца. Надеюсь, это имя, или прозвище означает не то же, что в нашем мире? А то хамов с детства не люблю.

И долго они так будут смотреть на меня?

Я чувствовал себя воришкой, которого застали врасплох. Надо было не вылезать из постели. Щас бы притворился спящим беспробудным сном. Заодно послушал бы, о чем говорят эти люди. Ну, да ладно, буду изображать потерявшего память. Что, собственно, не сложно, ибо я ее в этом мире, можно сказать, и не имел.

– Здравсте, – попытался коротко приветствовать седого и с удивлением услышал, как вместо одного слова, я произнес целую тираду в каком-то японском стиле, типа, я рад видеть Вас на пороге этого дома и т.д.

Мужчина подошел и, положив две конечности мне на плечи, ощупал другими мои руки, грудь. Зачем-то приподнял мне веки, подергал за мочки ушей. Ну, точно – местный Айболит.

– Ты совершенно здоров, Леег, произнес он, после чего обратился к женщине: – Сказано же было, что жрецы Священного Острова нарекли твоего сына избранным Создателями. А я, ничтожный деревенский лекарь, усомнился и пытался лечить его от предначертания, принимая оное за болезнь. Возможно, это я своим невежеством чуть не погубил Леега.

Женщина подошла к седому и, приложив пару рук к груди, другими нежно взяла его за одно из предплечий, мысленно успокаивая и говоря, что он лишь исполнял свой долг. Лекарь, похоже, не слышал ее мыслей, но жесты и мимику понял правильно.

– Нет, Ната. Как иначе объяснить, что Леег полностью оправился после того, как я прекратил лечение, посчитав его умирающим? Ведь я был абсолютно уверен в том, что он не доживет до заката. Я немедленно отправляюсь на Остров. Пусть Жрецы оценят мою компетентность. Возможно, они решат прислать вам нового, более сведущего лекаря. А я стану простым охотником и заведу собственную семью.

Мужчина отстранил Нату и решительно вышел. Та с сожалением посмотрела вслед, но тут же, как только обернулась ко мне, глаза ее наполнились радостью.

– Надо немедленно сообщить Стику, – услышал я ее мысль.

– Стик – это мой отец?

– Что? – тонкие брови женщины поднялись в удивлении, и следом она задала сразу два вопроса: – Ты слышишь мои мысли? Ты не помнишь своего отца?

Вот те раз. Так телепатические возможности вовсе не являются нормой для этого мира? Значит, мои мысли никому не доступны? Не сказал бы, что это мне не нравится. Но почему

тогда я слышал ее? Кстати, о чем думал Айболит, я не слышал. Да и о чем думает эта женщина, мне, похоже, тоже не совсем доступно. Понятны только послы, обращенные непосредственно ко мне.

– Извините, – я смущенно развел руки. – Я вообще ничего не помню. Даже не знаю, кто я такой. Я, вероятно, чем-то тяжело болел? Вы моя мать?

– Бедное мое дитя, – красивые глаза женщины наполнились слезами.

Мне стало искренне жаль ее.

– Но зато я чувствую себя физически вполне здоровым, – сказал, чтобы успокоить Нату. Она снова улыбнулась и погладила меня по плечу.

– Это самое главное, сынок. А память вернется, – и, спохватившись, воскликнула: – Надо скорее сообщить отцу радостную весть!

– Я пойду с тобой, – принял я неожиданное решение. – Только подскажи, во что мне одеться.

Раз уж попал в новый мир, то нужно скорее в него влиться, ибо нет смысла оттягивать.

Мать подала сапоги-чулки из тонкой кожи и одну из безрукавок. После того, как я надел все это, она протянула какую-то сбрую с вдетыми в нее четыремя маленькими топориками на длинных ручках. Вот и нафига мне эти томагавки? Задал этот вопрос мысленно. Однако она не услышала.

– Зачем мне это? – спросил уже вслух.

– Ты вырубил собственное жилище и отвез семя зуха на Священный остров. Даже целых два семени. Теперь ты полноценный мужчина, – вероятно, посчитав объяснение достаточным, Ната вложила сбрую мне в ладони.

Покрутив полученное снаряжение, накинул два ремня, соединенных сзади чем-то наподобие патронташа, на плечи. Подвешенный на них широкий ремень застегнул на животе с помощью большой бляхи, сделанной то ли из кости, то ли еще из какого-то непонятного материала. Все подогнано точно по мне. По бокам в небольшие петли на ремне вставлены топорики. На мой вопрос для чего нужен патронташ на спине, Ната пояснила, что он нужен для дротиков, которые постоянно носить вовсе не обязательно.

Я покосился на висящие, на стене большие топоры. Хорошо, что и их не нужно постоянно таскать с собой.

Пройдя через большую комнату, на обстановку которой впопыхах не обратил внимание, мы вышли на высокое крыльцо. Увиденное снаружи не то чтобы поразило меня, но удивило довольно-таки сильно. Представьте себе гибрид груши с тыквой размером с дом. Именно такие желто-песочные плоды-монстры, тянувшиеся двумя рядами, образовывали довольно широкую улицу. Каждая тыквогруша была обнесена невысоким плетеным заборчиком, как обычные земные деревенские хаты. В стенах плодов прорезаны окна и двери. Сбежав с крыльца, я задрал голову, и окинул взглядом дом, из которого вышел – такой же гигантский плод. Интересно, дома действительно растительного происхождения, или здесь такой причудливый архитектурный дизайн? Просто страшно представить дерево, на котором растут подобные груши...

Наше жилье от околицы отделяло всего два двора. У соседнего плетня копошилась парочка обнаженных по пояс малышей. Непривычно видеть на их голых спинах по четыре шевелящиеся лопатки. Увидев нас, они подскочили, какое-то время молча смотрели, а как только мы прошли мимо, понеслись по улице с криками:

– Леег не умер! Леег живой!

Ната, оглянувшись на них, улыбнулась и взялась за мою руку, будто проверяя, не мерещусь ли я.

Сразу за околицей простирался широкий луг. За ним поднималась стена леса. По законам земного мира на таком лугу просто обязаны были пастись гуси или коровы. Однако здесь было

пусто. До меня дошло, что и в самой деревне не хватало обычных земных звуков, таких как лай собак, кудахтанье кур петушинные крики.

Пройдя половину луга, я обратил внимание на рощу интересных деревьев, резко отличающихся от остальной лесной массы. Эти деревья напоминали земные баобабы, только карликового размера. Бочкообразные стволы возвышались не более чем на три метра. Широкие кроны буквально смыкались друг с другом. Видно, что деревья не одного возраста – ближе к лесу стволы повыше и потолще, ближе к деревне попадались совсем маленькие, вплоть до еле показавшихся ростков.

– Что это за роща? – поинтересовался у идущей рядом женщины.

– Поселковое кладбище, – ответила та после некоторой паузы, на протяжении которой, замедлив шаг, пристально смотрела на меня.

От дальнего конца рощи доносились звуки частых ударов топора по дереву. Мы прошли между деревьев в ту сторону и вышли к просеке между рощей и лесом. Широкие пеньки разной степени замшелости указывали на места, где некогда росли мини-баобабы.

Картину, которую увидел далее, не могу назвать иначе, как деревообрабатывающий комбайн или машина по производству щепы. Коренастый коротко стриженный мужик с такой скоростью работал одновременно четырьмя топорами, что ему позавидовала бы машина по измельчению пеньков, которую я когда-то видел в городах моего мира. Шаолиньские монахи, увидев такое искусство владения оружием, или в данном случае орудием труда, моментально эмигрировали бы в Японию, записались там, в самураи и сделали б себе харакири. Ибо нет смысла жить, зная, что не способен даже приблизиться к совершенству.

Остановившись, я заворожено смотрел, как в поваленном дереве, с которого уже срублена крона, буквально на моих глазах появлялось углубление длиннее с человеческое тело. Концы срубленного ствола закруглены и обработаны довольно гладко, словно их и не топорами обтесывали. Но никакого другого инструмента рядом не наблюдалось.

Я непроизвольно бросил взгляд на свои ладони. Неужели и я смогу также лихо орудовать топорами? Или уже умел? Нет, так конечно не умел, ибо молод еще слишком. А сколько, кстати, мне лет? М-да, сколько ж еще предстояло выяснить, и в первую очередь о себе. Ну что ж поделать, таков результат скоростного вселения в первую попавшуюся оболочку.

Мужчина бросил на нас короткий взгляд, не прекращая работы. Секунд пять он продолжал врубаться вглубь ствола, одновременно ровняя края получающегося углубления, затем остановился и еще несколько секунд смотрел в лес. Наконец медленно, словно боясь кого-то спугнуть, повернулся. Четыре топора одновременно выпали из ослабших рук. Широкие плечи опустились, и здоровяк, приоткрыв в изумлении рот, сел на поваленный ствол.

– Думаю, тебе стоит повременить с этой работой, отец, – я обратился к мужчине, будучи уверенным, что это и есть мой родитель. – У тебя наверняка найдется немало более приятных дел, чем строгать эту деревяшку.

– Леег?

Нет, блин, Сюзи Кватра прилетела в этот мир, чтобы подарить первому попавшемуся дровосеку свою четырехструнную балалайку. Кхым, надо бы даже в мыслях постараться быть вежливым с этими людьми. Все же родители, как-никак.

– Леег здоров, – радостно улыбаясь, Ната подошла к все еще сидящему дровосеку и, обняв за голову, прижалась к нему. – Создатели вернули нам сына.

Какое-то время мужчина сидел неподвижно, уткнувшись лицом в живот супруги. Но вот, мягко отстранив ее, встал и подошел ко мне. Огромные ладони опустились на плечи, сдавили предплечья. Я чувствовал себя несколько жутковато рядом с этим, буквально пышущим жаром, гигантом. Он был выше меня, пожалуй, всего на полголовы, а вот шириной плеч и объемом стальных с виду мышц превосходил как минимум вдвое. Что если этот четырехрукий монстр сейчас разозлится на своего непутевого сына за то, что зря добрую половину дня махал

топорами, пропитывая ядреным потом одежду, которую теперь придется стирать его любимой Нате? И сжал же меня в своих клешнях так, что не вырвешься.

– Сынок, – в голосе здоровяка было столько любви и нежности, что мне стало стыдно за свои мысли. Две крупные слезинки одновременно сорвались из лучащихся отцовской любовью серо-голубых глаз и, оставляя влажные дорожки, скатились к уголкам рта. – Сынок...

Черт возьми, никогда не любил мелодрамы, но тут у самого глаза наполнились слезами.

– Отец, – произнес я еле слышным сиплым голосом и, почувствовав, что его хватка ослабла, припал к широкой груди, обхватив могучую шею.

– Сынок, – отец крепко обнял меня.

Рядом, прижав руки к груди, плакала счастливая Ната.

В этот миг я чувствовал себя почти счастливым от того, что оказался в этом мире предельно истощенным. Что было бы с этими чудесными людьми, если бы я решил сотню-другую лет приглядеться к местным реалиям, прежде чем в кого-нибудь вселиться? Может, над нами действительно есть воля неких Создателей? По крайней мере, в такие минуты хочется благодарить кого-то всемогущего...

Следующие несколько дней, сославшись на почти полную амнезию, расспрашивал всех о реалиях приютившего меня мира. А желающих помочь нашлось немало. В первый день даже слишком много, что несколько утомляло, и я, сославшись на слабость после болезни, завалился якобы спать. Поднялся лишь, когда в доме остались одни родители. Они-то, как собственно и положено родителям, и дали первые знания.

В общем, зовут меня Леег. Мне пятнадцать лет, по здешним меркам – совершеннолетие. Я уже вырубил собственный дом внутри гигантского плода зуха.

Семя зуха отец привез со Священного Острова, после того, как у него родился сын. Растение представляет собой некое подобие капусты кольраби, если можно представить себе кочан диаметром от двенадцати до пятнадцати метров, высотой до четырех и увенчанный двухметровым куполом с закругленной макушкой, делающей плод похожим на приплюснутую грушу. После первого года все листья отваливаются, и в течении следующих четырнадцати лет плод увеличивается в размерах. Как только кожура приобретает желтый цвет и верхний ее слой делается прозрачным, будто толстое покрытие лаком, необходимо приступать к вырубке внутренних помещений. Если не поспешить, то через несколько седмиц – так здесь называются недели, исчисляемые, как и в земном мире, семью днями – внутренность плода приобретает каменную твердость, не поддающуюся топору. Но такое случается редко, лишь когда ребенок умирает или, что случается еще реже, вырастает больным и немощным. Окаменевший плод подкапывают, отжигают корень и усилиями всех жителей откатывают за пределы селения. Там он разрушается в течении долгих лет, оставляя после себя невысокий холмик, который постепенно зарастает подлеском. Семя в окаменевшем плоде разрушается вместе с ним, не прорастая новым растением.

Юноши, вырубая внутри зуха собственное жилище, извлекают семя и отвозят на Священный Остров. Именно на этом острове на меня, вернее тогда еще на моего предшественника, занимавшего эту оболочку, напало какое-то странное существо, по описанию похожее на скорпиона, только живущее в воде, как краб, и размером превышающее самых крупных земных крабов. Называется жуткий зверь стахом. Этот самый стах и ужалил меня своим скорпионьим хвостом в ногу. Жрецы Священного Острова не захотели лечить, оправдав свою безответственную лень волей неких Создателей. Дело в том, что я выковырял из зуха сразу два семени вместо одного, что было невиданным делом, примерно как рождение двухголового теленка. Вот жрецы, чтобы не заморачиваться объяснением подобного феномена, обозвали меня Избранным Создателями, а значит все, что теперь со мной произойдет, будет являться волей этих самых Создателей. Короче, теперь на мне нечто типа божественного клейма. Буду тонуть в

болоте, никто и руки не подаст, ибо побоится противиться воле Всевышних. Хотя, похоже, здесь далеко не все слепо следуют указаниям жрецов. Взять хотя бы моих товарищей, которые, отказавшись от празднования совершеннолетия, являющегося одним из самых значимых праздников в жизни местного мужчины, доставили меня домой. Да и местный знахарь Хаам, который до конца боролся за мою жизнь. Он, правда, после воскрешения пациента ушел к Священному Острову типа каяться в своем грехе. В чем грех – понять не могу, ну да я тут еще много чего не понимаю.

Да, кстати, местный мир называется Стораном, а люди кличут себя сторами. По их мнению, Вселенная представляет собой раскаленную пустыню, населенную огромными стахами. В отличие от водяных собратьев, пустынные, если верить тому, что тут нарасказывали, размером чуть ли не со слона. Ассоциация со слоном возникла из-за наличия хобота у этих гигантских пауков. Похоже, именно их я и видел, когда на грани полного истощения пробирался к горной гряде.

Так вот, из возникшей однажды капли росы, неизвестно как появившейся среди раскаленных песков, вышли семеро молодых божественных созданий. Они принялись играть друг с другом, строя из песка причудливые фигуры. Однако пустынные стахи постоянно разрушали ненадежные строения молодых богов. Тогда те отгородились от вредных животных кольцом песчаных гор. Быстро убедившись в ненадежности подобной преграды, объединили свою волю и превратили песок в камень.

Ну, дальше все предсказуемо. Насоздавали лесов-зверей-людей. Вернее, не людей, а сторов. Устали и ушли отдыхать в каплю росы, из которой некогда вышли. Собственно, океан в центре мира – это и есть та самая капля росы.

Кстати, о том, что на южном полушарии существует такой же мир, окруженный горной грядой, и с океаном в центре, никто здесь не подозревает.

Какого-то подобия деления времени на часы и минуты местные жители не знают. Для них существует лишь утро, день, вечер и ночь с примерным делением их на до или после полуночи, полудня, ближе к утру или к вечеру.

Понять насколько отличается длина сторанских суток от земных по собственным ощущениям я не смог. Вероятно из-за того, что физиология моей оболочки привычно следовала местному распорядку, который является для нее единственно верным.

Сторанский год длится семьдесят седмиц и не делится на месяцы.

Стор в среднем живет полторы сотни лет, что не может не радовать после почти вдвое меньших жизненных циклов земных оболочек. И что еще примечательно, стариками здесь становятся только на последнем году жизни, резко увядая, словно в организме сработал какой-то ограничитель. До этого же момента живут полноценной жизнью, отличаясь от молодых соотечественников только количеством жизненного опыта и, если мужчина, количеством шрамов.

Шрамы сторы получают либо в войнах со степными племенами, если выпадает участь солдата, или в схватках со змеем, если становятся охотниками.

Змей – это основная здешняя промысловая порода, дающая сторам мясо и кожу. Именно зеленая змеиная кожа используется здесь в очень широком диапазоне: от постельного белья и одежды до ковров, ремней и обуви. Эти животные, как я понял, бывают лесные и озерные. Некоторые разновидности лесных змеев достигают гигантских размеров и могут сами охотиться на сторов. По уверениям Стика, змеи никогда не спят. Но если днем они ленивы и неповоротливы, а потому предпочитают прятаться в густых зарослях, то ночью становятся крайне активными и двигаются настолько стремительно, что уследить за их движениями порой не может даже опытный охотник.

Мелкие змеи питаются чиками, мелкими существами, чье кваканье я слышал каждую ночь, но самих увидеть ни разу не смог. Собственно и самих змеев тоже пока ни разу не видел. И вообще не видел ни одного представителя местной фауны.

Почему-то местные жители не занимаются животноводством и не держат каких-либо зверьков в качестве домашних любимцев.

Крупные змеи охотятся на более крупную дичь – хитов, по описанию напоминающих гигантских слизней, а так же нападают друг на друга. Ну, и самые крупные нередко нападают на сторов, если кто-нибудь из них осмеливается бродить по ночному лесу.

Но самые опасные звери в этом мире стахи. Кроме морских и пустынных, оказывается, водятся еще и лесные.

Лесные стахи живут семьями – одна самка может держать при себе до десяти самцов. Но чаще встречаются семьи, где самцов не более трех. По описаниям рассказчиков – это гигантские пауки со скорпионьим хвостом и слоновьим хоботом. Лесные монстры уступают размерами пустынным, но все же способны легко поднять хоботом взрослого стора. Стахи не плетут ловчих сетей, как земные пауки, но способны выстреливать в жертву липкой нитью. Замотанная в кокон жертва словно бы консервируется и при необходимости хранится сколько угодно долго. Нить, вырабатываемая специальной железой, попав на воздух, мгновенно приобретает невероятную прочность, хоть и сохраняет достаточную гибкость. Когда приходит время вскрыть кокон, стах выпрыскивает на него жидкость из другой железы, от которой нить быстро разрушается.

И нить, и клейкая масса, содержащаяся на ее конце, стоят очень дорого. Целый кокон и вовсе может обеспечить семье охотника год безбедного существования.

Яд, выделяемый железами, находящимися в жале на конце хвоста, имеет большую ценность у лекарей. Из хитина, покрывающего зверя, изготавливаются особо прочные доспехи, а так же различные инструменты и украшения. Чешуйки, покрывающие хобот, часто используются в роли монет. Как таковых денег здесь нет, по крайней мере, я не смог ничего о них узнать, но их роль выполняют особо ценные мелкие предметы, такие как чешуйки с хобота стаха, драгоценные камни и любые металлические предметы.

В общем стах представляет собой настоящее богатство. Проблема в том, что добыть его не под силу не только одному стору, но и целой группе охотников. Убить зверя можно только попав в центр короны глаз, да и то лишь в период линьки. Основной панцирь отвердевает прямо под старым, после чего старый разрушается и буквально осыпается мелкими крупинками. Зато место в центре короны глаз отвердевает в течении пары седмиц.

Можно конечно закидать зверя дротиками и топорами, метаясь в сочленения конечностей в глаза и в более уязвимый хобот, но в таких случаях зверь, прежде чем потерять подвижность, наверняка убьет как минимум половину охотников. А если учитывать, что стахи всегда держатся семьями, то идти на такой риск стору не решаются. Обычно, если вблизи селения появляется семейство монстров, жители выслеживают их и сообща загоняют в логово – вертикальную нору в земле. После чего забрасывают нору сухими ветками, заливают горячей жидкостью и поджигают.

Однако отцу удалось однажды в одиночку убить стаха, именно попав в центр короны. Таким образом, он освободил из лап монстра мою мать. Вероятно, с тех пор она и потеряла дар речи.

Крик

Весь вчерашний день женщины племени собирали в степи камни и отсыпали ими круглую площадку диаметром в двадцать шагов. Глядя на это каменное татами, я начал сожалеть о своем поспешном решении, вызвать вождя на поединок. Не хотелось увечить ставшую привычной оболочку Крика. К тому же этот воин, которого мне довелось спасти от стахов, правда, лишь для того, чтобы через несколько дней самому занять его оболочку, подходил мне больше любого другого представителя племени сартуков. Крик был прижившимся здесь воином из другого племени, полностью уничтоженного во время нашествия пустынных стахов. Вел он замкнутый образ жизни, не имея ни собственной женщины, ни близких друзей, а потому никто особо не обратил внимания на те перемены, которые возможно произошли в поведении после того, как я завладел его оболочкой. Правда обрушившаяся слава воина побеждающего стахов, естественно мгновенно привлекла к нему общее чрезмерное внимание, но тогда Крик еще был самим собой.

В тот раз я спас аборигена, в последний момент, уничтожив сущность монстра, готового вонзить смертоносный шип в тело жертвы. Спас лишь для того, чтобы с его помощью скорее отыскать какое бы то ни было сообщество местных оболочек, и приступить к его изучению.

Монстром, кстати, был степной представитель местных паука-крабов, являющихся самыми опасными врагами аборигенов.

Лишившись сущности, монстр, как и его собрат, не утратил способность двигаться. Безвольно опустив на землю хвост и раскатав хобот, который был скатан в рулон, наподобие как у земных бабочек, паук принялся ходить кругами, пронзительно вереща. Абориген таскался за ним, тоже издавая панические крики и чудом уворачиваясь от огромных лап.

Поняв, что, в конце концов, монстр все же затопчет аборигена, или тот попросту сойдет с ума от ужаса, гуманно – казалось длительное пребывание на Земле в обществе Олега – я отодвинул сущность хозяина оболочки в дальний угол и завладел ею сам. Оценив новое тело, сразу признал его несомненное превосходство перед земными. Дело не в дополнительной паре конечностей, хотя это тоже весьма значимое преимущество. И скелет и мышечный каркас гораздо прочнее земных, суставы подвижнее.

Мне не составило труда скинуть с себя сбрую с колчаном, к которому прилепилась ловчая нить. После чего я выскользнул из под кружащегося монстра и некоторое время разглядывал его – паучок действительно внушительный.

Если сразу вернуть оболочку владельцу, то вряд ли он сообразит, что монстр больше не опасен, и, скорее всего, убежит. Все же интересно посмотреть, как он отнесется к поверженному пауку?

Потому, подобрав увесистый булыжник, размером с человеческую голову, я подбежал и с силой опустил его на корону паучьих глаз, мигающих слабым оранжевым свечением. Затрепал проламываемый хитин, и паук, суча ногами, опрокинулся на спину. Для надежности я еще обрушил камень на чудовищные расположенные вертикально челюсти и тут же упал, подсеченный дернувшимся хоботом. Вероятно, от удара сократилась какая-то мышца, и хобот свернулся в рулон.

Поднявшись, сразу обратил внимание на ерзающий из стороны в сторону хвост. Выхватив нож из валяющейся под ногами сбруи, попытался с одного взмаха отхватить кончик хвоста с острым шипом. Не тут-то было. Пришлось, крепко ухватив под основание шипа тремя руками, долго елозить лезвием. Наконец трофей оказался в руках. Внимание привлекли выступившие на шипе янтарные капельки. Наверняка они ядовиты. Потому, не притронувшись к трофею, я решил предоставить разбираться с ним хозяину оболочки.

Очнувшийся абориген уставился на поверженного монстра широко открытыми глазами, и начал оглядываться вокруг, вероятно, в поисках того, кто сокрушил ужасного зверя. Отскочив от дернувшегося хвоста, он совершенно обалдев, обнаружил в своей руке отрезанный шип. Взглянув на нож, зажатый в одной из правых рук, бедолага сделал соответственные логические выводы.

– А-а-а! – разнесся по степи его торжествующий крик. – Я убил стаха! Я убил стаха! А-а-а!

Откромсав хобот, счастливчик вложил в него шип и начал забрасывать камнями все еще дергающегося монстра. Как оказалось, он просто прятал добычу от случайных халявщиков. Удовлетворился только тогда, когда получился холм, полностью скрывающий гигантского паука. После чего натянул на себя португею, от которой пришлось отрезать заплечный колчан с насмерть пристывшей к нему нитью, не поддающейся лезвию ножа, вложил в петли подбренные булавы и, подхватив хобот, легкой трусцой побежал прочь от руин в северо-западном направлении.

Пробежав по степи целый день, ни разу не остановившись и не сбавляя темпа, абориген лишь на закате достиг своего селения. Я, обследуя местность вокруг, заметил становище за долго до того, как мой подопечный добежал до него. Сперва увидел бродящие среди редких, раскиданных по степи деревьев оболочки. Приблизившись, понял, что это не что иное, как поселение. Несколько сотен человек занимались всевозможными делами. Половину из них составляла ребятня различного возраста – от ползающих на четвереньках, а по-здешнему, скорее, на шестеренках, голозадых малышей, до упражняющихся в метании дротиков подростков. Женщины готовили еду на плоских камнях, под которыми был разведен огонь. Мужчины что-то мастерили, но в основном прохлаждались, собравшись в небольшие группы и обсуждая нечто их волнующее.

Жильем для аборигенов служили вырытые в земле норы, где полностью отсутствовала какая либо мебель. Домашней утвари также минимум – сосуды и миски, сделанные, судя по внешнему виду, из какого-то плода, типа тыквы. Похоже, что норами местные жители пользовались только во время ненастья. Как оказалось позже, что еще и во время дневного зноя.

Отсутствие скарба тоже позже объяснилось тем, что племя ведет кочевой образ жизни. Выючных животных в этом мире не знали. До рабского труда тоже не додумались, поэтому имущества имели ровно столько, сколько могли легко унести на себе женщины и дети. Мужчины во время переходов двигались налегке, чтобы в любую минуту ринуться на встреченного врага. Врагами в основном являлись стахи, редко недружественные племена, а в сезон дождей еще и гигантские зуулы. Зуул – нечто среднее между змеем и червяком, имеет острые челюсти, достигает пятнадцати шагов в длину и полтора в ширину. Мясо зуула пригодно в пищу, по вкусу напоминает нежирную свинину.

В основном же кочевники питались дикорастущим корнеплодом – аналогом земного картофеля. Называлось растение клодом. Именно клод и заставлял их перекочевывать с места на место, выкапывая его в дне пути вокруг очередного становища. Но, надо отдать должное этим диким бульбашам – самая крупная картофелина из каждого выкопанного куста обязательно закапывалась обратно.

Однако все это и еще многое другое я узнал позже.

А сейчас Крик вбежал в становище, держа над головой хобот и шип стаха и громко крича: – Я убил стаха! Я убил стаха! Я отомстил за своих родичей!

Вокруг сразу собралось почти все племя. Сартуки недоверчиво расспрашивали воина о подробностях и рассматривали трофеи. Крик на ходу придумывал, как его переполнила священная ярость и он набросился на стаха, двумя взмахами ножа отсек тому шип и хобот, потом разmozжил глаза зверя булавами и закидал дергающуюся тушу грудой камней.

Расталкивая толпу, к рассказчику подошел высокий кочевник. Кроме роста, от остальных мужчин он отличался еще и наличием волос на голове, спускающихся на плечи длинными грязными локонами. Бесцеремонна забрав трофеи из рук Крика, осмотрел их и вернул обратно.

– Завтра на рассвете ты поведешь нас туда, где лежит этот стах. Если он там, мы заберем его. Если стаха не окажется, ты уйдешь из племени. Степной воин не должен марать свой язык грязным враньем, подобно лесным дикарям.

Закончив говорить, длинноволосый развернулся и пошел прочь. Толпа расступилась, давая ему дорогу. Несколько кочевников направились следом.

Начали расходиться и остальные сартуки. Лишь ребятня все еще крутилась возле Крика, разглядывая трофеи и восхищенно цокая языками.

– Завтра ты, Иракий, увидишь, что я сказал правду! Крик никогда не врет! – наконец выкрикнул кочевник вслед давно уже ушедшему вождю и широким шагом двинулся к своей норе.

С наступлением темноты сартуки утихомирились. Спать улеглись на брошенные прямо на землю подстилки из зеленоватой кожи. Женщины и дети расположились возле своих нор, мужчины по периметру селения. Крик, забросив трофеи в нору, в несколько укусов с хрустом поглотил сырую картофелину и тоже занял свое место в храпящем оцеплении. Вскоре захрапел и сам.

Чуть только заалела полоска горизонта на востоке, к победителю стаха подошел длинноволосый Иракий и бесцеремонно толкнул того ногой в бок.

– Вставай, Крик. До древнего города далеко, а нам нужно успеть сегодня же вернуться обратно.

– Тогда придется бежать очень быстро, – невозмутимо ответил, поднявшийся сартук.

Бежали действительно быстро. Впереди Крик и вождь. За ними еще десять воинов, взятые в качестве носильщиков, если Крик не соврал и поверженный стах окажется на месте.

Одежда на всех мужчинах была одинаковая – кожаные мокасины, из той же кожи просторные штаны, голый торс затянут в кожаную же португую, к которой сзади крепился колчан с десятком дротиков, с каждого бока по две булавы в петлях, в ножнах клинок размером с локоть. В небольшой сумке, прикрепленной к той же сбруе, лежало несколько сырых картофелин. Плоды клада в сыром виде достаточно сочные, чтобы утолять не только голод, но и жажду.

К древним развалинам прибежали когда солнце находилось в зените. Разбросав камни, убедились, что мертвый стах на месте. Иракий лишь бросил короткий взгляд на Крика, но ничего не сказал. Остальные воины восхищенно зацокали языками, оценивая неожиданно свалившееся на племя богатство. Теперь будет на что сменять у горных марыков новые наколчечники для дротиков, набалдашники для булав и другие металлические изделия их мастеров. Да за панцирь такого огромного зверя пожалуй даже можно нанять погонщиков стахов и пожить в пограничных лесах, разорив поселения трусливых сквиллов, что прячутся там, не пропуская благородных сартуков к большому соленому озеру, на дне которого до поры спят Создатели.

Пока кочевники расчленили паука, я рассмотрел окрестные развалины и нашел труп второго стаха. Он стоял неподвижным изваянием, безвольно свесив хвост и хобот.

Ну что ж, пора и мне включаться в игру.

Завладев оболочкой Крика и не обращая внимания на удивленные возгласы, я побежал по лабиринту улиц к тому месту, где торчал второй стах. Крикнув что-то остальным, за мной устремился Иракий. Пару раз приходилось перебираться через завалы, рискуя самому быть погребенными под ними. Вождь следовал, не отставая, но и приблизиться вплотную я ему не давал. Обогнув очередную грудку обломков, мы выбежали к застывшему, словно статуя пауку.

Обычно невозмутимый Иракий испуганно вскрикнул и, резко затормозив, дернулся назад, готовый к паническому бегству.

Ухмыльнувшись, я подошел к монстру и по-хозяйски похлопал по панцирю. Тело стаха, благодаря вытянутым лапам, возвышалось в двух метрах над землей, и мне приходилось тянуться.

Обернувшись, я с удовлетворением хмыкнул, видя, как отвисла челюсть на вытянувшемся лице вождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.